

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

Сильные впечатления

РОМАН

Сергей Магомет

Сильные впечатления. Роман

«Издательские решения»

Магомет С.

Сильные впечатления. Роман / С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745277-3

Сквозь дым отечества, сиреневый туман и Иерихонские трубы. Суровый любовный прямоугольник. Национально-гендерный романс. Читать сидя.

ISBN 978-5-44-745277-3

© Магомет С.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	12
IV	19
V	23
VI	29
VII	41
VIII	48
IX	55
X	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сильные впечатления Роман

Сергей Магомет

Иллюстратор Джон Уильям Уотерхаус

© Сергей Магомет, 2018

© Джон Уильям Уотерхаус, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-5277-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Писателя осаждают женщины, желающие исповедаться. При этом они прекрасно понимают, что тайна их сердечной исповеди ни в коем случае не будет соблюдена.

В какой-то степени материал этой книги представляет собой предмет специального исследования автора, и читатель, обративший внимание на сходство персонажей и ситуаций с реальными людьми и событиями, может быть уверен, что сходство не случайное.

Если автор в чем-то и погрешил против истины, то лишь с точки зрения географии.

И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Александр Пушкин «Война»

I

Вот уже несколько месяцев Маша Семенова наблюдала, с каким ожесточением русские истребляют чеченцев и наоборот. В конце двадцатого века война на Кавказе не столь романтична, как в произведениях Пушкина и Толстого.

Голосили женщины. Кричали дети. Стонали раненые. Слышался рокот бульдозера, который зарывал еще одну наспех вырытую братскую могилу... И вот теперь, сидя прямо на голой земле в пригороде Грозного, Маша тупо пялилась на банковскую кредитную карточку из цветного пластика – единственное, что осталось от Ромы Иванова, не считая его карманного плеера.

Прокомментировать, истолковать происходящее для Маши не составляло особенного труда – в том и заключалась ее профессия. Но вот элементарно, по—человечески понять...

Нет, понять этого сумасшествия она никак не могла, хотя практически с первого дня конфликта находилась здесь в качестве репортера российского телевидения. Только в учебниках политэкономии пишут, что войны затеваются с целью нагреть руки на кровавой бане. Это все чепуха. Мол ветер дует, потому что деревья качаются. А Маша забралась сюда как раз для того, чтобы доискаться истинных причин бойни.

Каждый день она появлялась перед телекамерой на фоне развалин. Она должна была рассказать о стертых с лица земли домашних очагах. Показать чумазых ребятишек с широко распахнутыми глазами и пришибленных стариков, выискивающих среди руин остатки домашнего скарба.

Женственный и, в сущности, не геройского склада Рома Иванов, звукооператор, обслуживавший выходы в эфир из зоны боевых действий, как раз демонстрировал Маше новенькую кредитную карточку со своим более чем скромным валютным депозитом в одном монументальном коммерческом банке. Дело модное и якобы сулящее барыши. Вместе с карточкой он сунул Маше в руки красочный рекламный проспект, в котором расписывались все выгоды нового банковского предприятия, и жадно слушал, как она вслух декламирует текст и невозмутимым тоном перечисляет по пунктам все нюансы замечательного документа. В наушниках от карманного плеера он просил читать погромче. Как можно громче. Ему казалось, что голос Маши заглушает ужасную музыку смерти.

Они сидели в пыльной лощине, а поверх их голов гремел густой перекрестный огонь из автоматов и крупнокалиберных пулеметов. Когда Маша перешла к пунктам, касающимся непосредственно валютных барышей по вкладу, она на секунду подняла глаза на Рому Иванова. «Ежемесячный процент по вкладу составляет...» Она даже не успела произнести эти слова, когда увидела, что с ее звукооператором произошло неладное. То же самое, что некогда произошло с лошадью барона Мюнхаузена, которая была разделена ядром на две самостоятельные половины. Разница была в том, что в данном случае это был выстрел из подствольного гранатомета, и части звукооператора не пустились в самостоятельное путешествие по полю сражения. Точнее, они вообще не проявляли признаков жизни, и их уже ни к чему было сшивать ивовыми ветвями... Кровавые ошметки забрызгали землю вокруг и новенькую курточку-хаки, в которой была Маша. Самой же Маше показалось, что все происшедшее не имеет к ней ни малейшего отношения.

– Ежемесячный процент по вкладу составляет... – в угаре повторяла она снова и снова, ни к кому конкретно не обращаясь, пока кто-то не схватил ее в охапку, как сноп.

Этот кто-то был в военной форме. Он потащил ее подальше от Ромы. Маша ощупала себя и обнаружила, что от ушей до колен забрызгана Ромой Ивановым. Человек в военной форме постепенно обретал контрастность. Знакомый полковник крепко держал Машу и гладил по голове, как маленькую девочку. Она спрятала лицо у него на груди и некоторое время

вообще не могла ни о чем думать. Потом перед ее мысленным взором вспыхнула картинка вечерних телевизионных новостей: она, Маша, в эфире – с головы до ног забрызганная Ромой Ивановым.

«Вот полюбуйся, народ православный и правоверный, что ты сотворил с моим звукооператором! Вы, люди добрые, которым подавай репортажи покруче и покровавее, и желательно, естественно, в прямом эфире!.. А задумывались ли вы, признайтесь, хотя бы на мгновение, почему вы так бесчувственны к войне?..»

Ромы больше нет. Осталась лишь пластиковая кредитная карточка и плеер впридачу. Такие дела, Рома. Маша вдруг представила себе, как мог бы звучать текст его последней воли.

«Я, Рома Иванов, сим удостоверяю и завещаю мою кредитную карточку и мой плеер с наушниками, который, между прочим, продолжал работать, когда я уже не имел возможности его слушать, моей коллеге и подруге Маше Семеновой. Я, такой – то и такой – то, скоропостижно скончавшийся в адском пригороде, и чей депозитный вклад с ежемесячным начислением процентов... и т. д. и т. п.»

Короче говоря, нормальное, перманентное безумие.

Несколько часов спустя обычная компания журналистов собралась в офицерской столовой, размещенной в подвалах бывшей овощной базы, чтобы за дружеским столом упиться в усмерть. Полковник все еще был рядом. Маша познакомилась с ним случайно, еще в начале этой войны. Его звали Александр Вовк, и его рука слегка обнимала Машу за плечи. Однако она едва замечала это прикосновение.

«Волк...» – мысленно произнесла она.

Гдето внутри себя Маша ощущала острую боль, еще не в состоянии определить ее точного местоположения. Вокруг нее послышалось сразу несколько голосов. Они доносились до нее как будто издалека.

– Подумать только – Ромка! Ужас какой, а?.. Попролам! Это ж надо, шальной выстрел из подствольника – и нет больше Ромки... – говорил кто-то, прищелкивая пальцами.

Словно соглашаясь со сказанным, полковник обнял Машу чуть крепче.

Значительно позже, обгрызая ноготь на пальце и уставившись в облупленный потолок, освещенный слабосильной лампочкой, Маша припомнила о своем давнишнем и единственном сеансе у одного мага и прорицателя. В те стародавние времена маги и прорицатели еще не успели размножиться и были в большом дефиците. На прием к ним можно было попасть лишь по большому благу.

Маг и прорицатель (не будем называть его фамилии) принялся неторопливо рассказывать Маше сказку о верном сером волке, который нес на спине через дремучие леса прекрасную царевну, а Маша, устроившись на удобной магической кушетке вдруг банально, побабьи заревела. И проревела не меньше получаса из отведенных ей сорока минут.

– А чего, собственно, вы хотите от жизни? – напрямик поинтересовался у нее маг.

– Я хочу быть счастливой! – простодушно ответила она и опустила глаза.

Это не смутило специалиста ни на мгновение. Наклонившись ближе, он произнес загадочно:

– Нус, глобального счастья я вам, конечно, гарантировать не могу, но если вы сможете разглядеть волка в человеке, то чисто женское счастье вам обеспечено.

Он даже не пытался к ней приставать.

II

А еще раньше, сладостным июньским днем в большом банкетном зале попрежнему великолепной «Праги» семнадцать беленьких непорочных голубок выпорхнули, образно выражаясь, из золоченых клеток. В этот день Маша Семенова вышла замуж за Эдика Светлова.

Для Маши бракосочетание не было таким уж общественно значимым событием, как, скажем, для Эдика, которому наскучило вечно сидеть под крылом своего ветхозаветного и могучего, как Саваоф, папаши, чей авторитет по торговой части был непререкаем. Женитьба была для Эдика актом морального возмужания, обретения самостоятельности и статуса солидного и основательного делового человека, каковым он давно мечтал почитаться... Но особенную и непреходящую ценность замужество Маши имело для ее собственного папы, юриста до мозга костей, который на правах родственника получал в делах Светловастаршего свою заветную кровную долю, а главное, его доверие, на какое последний был вообще способен по отношению к комулибо.

В тот день Машу осыпали цветами.

– Улыбайся, – нашептывал Маше папа, чинно ведя под руку по направлению к месту назначения, – если б ты знала, сколько за все это уплочено!

Его медоточивый голос неизбежно обнаруживал вековечную печаль. Папа никогда не простит Маше плохих отметок в школе, ста рублей, украденных на помаду, а также, конечно, ее вопиющей беременности, узнав о которой он быстренько поволок Машу аж в город Киев – подальше от грязного панкафашиста, мальчишки, который, как предполагал папа, опорочил его голубку прямо в лифте, не снимая даже своих драных кожаных штанов.

Папа вообще считал своим святым долгом осуждать всяческих фашистов. Он бы, пожалуй, примирился даже с безродным джинсовозасаленным юнцом-хиппи. Только не с красно-коричневым говном. Тут уж он не стеснялся в выражениях. Он гордо называл себя «шестидесятником».

От города Киева, а вернее, от престижной цековской больницы с обширным гинекологическим отделением у Маши остались самые теплые и живые воспоминания. Заправлял там делами свиноподобный вивисектор на пару с усатой ассистенткой, за твердый тариф обстригающий у блудливых школьниц несчастных зародышей... Да что уж там!

Итак, Маша и папа уже были на полпути к месту встречи брачующихся, как вдруг родитель прошептал:

– А тебе действительно хочется замуж, доченька?

Появился слабый луч надежды, что папа даст задний ход, и они преспокойно отправятся домой и впредь будут делать вид, будто бы никакого жениха и не было... Однако, вместо этого, родитель душевно успокоил Машу, объяснив ей в сжатой форме, что особенно теперь, в наши постзастойные времена, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Намекал он, к тому же, на склонность Маши к полноте и, вообще, ее развитые пищевые инстинкты.

Надо полагать, что и Машу он зачинал с чувством, которое никак нельзя назвать не только любовью, но и даже мимолетной страстью.

И вот теперь папа преспокойно спроваживал Машу, предавая ее в руки человека, который, возможно, посягнет не только на ее тело, но и на саму душу.

Что касается Маши, то она ощущала изрядное смущение. Странные судьбы выпадают девушкам на 1/6 земного шара, славящейся дружбой народов. Сначала папаеврей вкупе со славянофильствующей мамой. Если первый, признаться, так до сих пор и не определился в своих религиозных наклонностях, последнее время колеблясь между евангелистами и баптистами, по причине их цивилизных манер и бьющей в глаза демократичности, то вторая последовательно

исповедовала веру предков – православие, – лишь эпизодически соблазняясь строгой эстетикой старообрядчества... И вот теперь – этот Эдик Светлов.

Когда в столичном храме-синагоге Маша стояла покрытая дорогим покрывалом, – что было частью еврейской свадебной церемонии, – то не чувствовала в этом никакого высокого символического значения – разве что одну беспросветную показуху.

Богато расшитое покрывало, на котором вытканы премиленькие цветочки, розовые лепесточки, замысловатый древний орнамент, а также пухленькие ангелочки, игриво плещущие водицей сластолюбивым девственницам в их алчущие ротки... Все это, понятно, не имело ничего общего с тем, как будет выглядеть Машин новый дом, – а именно, трехкомнатная квартира на Пятницкой улице с кухней вместо столовой и окнами на восток, – и как там угнездятся супруги Светловымладшие.

Эдик взял Машину руку и слегка пожал. Этот чужой мужчина, чья фамилия будет вписана в ее все еще «молоткастый и серпастый», стоял рядом. Вы только пощупайте, у него, оказывается, липкие ладони. Маша искоса взглянула на суженого. Ей оставалось лишь надеяться, у них не родится дочь. А если, по оказии, и случится такое, то не дай ей бог такого шнобеля, как у родителя!

Маша уже готова была заголосить принародно, что все происходящее здесь – не что иное, как ужасная ошибка, однако раввин вдруг заговорил на языке исторической родины. Ей пришло в голову, что потом она будет вправе заявить, что ни бельмеса не поняла, а потому их с Эдиком брачный союз не может быть признан божественно утвержденным.

«Если б мне только знать, отче, ваше преподобие, досточтимый ребе, на что меня тут подписывают, а главное, что это на веки вечные, то уж, само собой, я бы не стояла тут, пока эти треклятые голуби выпархивают из своих клеток и кружат у нас над головами, забрасывая фекалиями мою новоиспеченную многоуважаемую свекровь. Кроме всего прочего, ребе, примите во внимание, что я крещеная православная, и, к тому же, отчасти даже приобщенная к евангелическим истинам и старообрядческим заповедям!»

Эти или подобные слова внутренний голос скороговоркой бубнил в Машинном мозгу, однако внезапно все оборвалось и закончилось весьма центростремительно. Не исключено, что в тот момент она упала в обморок или что-то вроде этого – одним словом, на какоето время отключилась... В общем, когда она пришла в себя, раввин уже наставлял молодоженов.

Догадайся Маша минутой раньше, она могла бы просто извиниться перед собравшимися и улизнуть, – пусть, мол, продолжают без нее. Однако теперь поздно, слишком поздно. Теперь уж она – не она, а мужняя жена.

Даже если Маша и не растолстеет в замужестве, то все равно – отныне в каждом своем движении она будет зависеть от некоего Эдика Светлова... И что самое прискорбное – она осуждена на исполнение супружеских обязанностей, хотя никакой страстью здесь даже и не пахло.

Одной рукой Эдик крепко взял Машу за талию, а другой полез разбираться с ее накидкой. Старшая сестра Маши, Катя, исполнявшая обязанности свидетельницы со стороны жениха, принялась распутывать ленты, чтобы добраться до белых кружев, отбросить их вверх и таким образом предоставить Машиному супругу наилучшие условия для проникновенного поцелуя... Словом, уж если предаст родная сестра!.. Впрочем, сама Катя уже успела нажать в законном браке одного ребенка и «спланировала» следующего. Что и говорить, дурное дело – нехитрое. Маша невольно уклонилась от проворных пальцев сестры, но та цепко ухватила ее за плечо.

– Ну же, миленькая, – зашептала она, – все ждут, чтоб ты его хорошенько поцеловала. Давай, не усложняй жизнь!

Мокрые губы Эдика припечатались к Машиным губам, которые были крепконакрепко сомкнуты, чтобы не пустить внутрь его лопатообразный язык.

Присутствующие и, в самом деле, чего—то ждали. Маша вдруг почувствовала себя актрисой, которая участвует в ответственном спектакле на соискание звания народной артистки и вся ее дальнейшая карьера зависит от того, как она сыграет эту ключевую сцену.

Сбросив накидку прямо на пол, Маша тряхнула головой, рассыпая по плечам и спине целый каскад сухих волос.

«Что ж, – отчаявшись подумала она, – пусть публика получит то, чего с таким нетерпением ждет!» И вчас поцеловала новоиспеченного супруга. Публика дружно разразилась овацией.

– Bravo! Бис! – закричали все.

С горькой усмешкой Маша представила себе, что в отместку за все эти поганые овации хорошо бы сейчас сбросить с себя одеяние невесты, сорвать его лоскут за лоскутом, обнажиться догола, оставив на себе разве что белый кружевной пояс, белые чулочки и белые остроносые туфельки. Что потом?.. Потом встать на четвереньки, порусски говоря «раком», задрать повыше зад и смачно... выпустить на собравшихся стаю утробных голубиц! Эдика, естественно, подобные изыски только больше разожгут, и – последует несусветная инициация – прямо под ритуальным покрывалом, а гости начнут ободрительно прихлопывать в ладоши в такт тазобедренным усилиям Эдика, святотатственным манером проникающим в ее тело. Простотаки очаровательная картина: румяная, словно домашняя колбаса, Эдикова затычка, роняющая капли сока... Мечты, мечты!

Держа Эдика под руку, Маша начала движение в обратном направлении. Теперь все происходило до крайности медленно. Ее волосы находились в беспорядке. Крошечная дочурка Кати несла за ней длинный шлейф платья. Девочке помогал какойто безмянный ребенок со стороны Светловых в пурпурном вельветовом балахончике. Маша услышала треск надрываваемой материи, когда мальчик злокозненно наступил на шлейф. Впрочем, это уже не имело никакого значения. Больше этого платья Маше не надевать.

Итак, каковы же результаты произошедшего? Впервых, как уже было сказано, папа невесты заполучил пожизненный шахермахер, а славянофильствующая родительница, то бишь мама, облегченно вздохнула, выполнив свое жизненное предназначение – а именно, успешно сбывла с рук двух дочерей, выдав их за безусловно состоятельных мужчин, хотя бы и евреев. В общем, семейство Семеновых преспокойно игнорировало всякую чепуху вроде баптистско-евангелической бодяги, а также предало забвению темное прошлое с материнской стороны, когда в старорежимные времена ее далекие предки основательно мочили кагал мужниных предков, еще не носящих гордой фамилии Светловых. Стоит ли говорить о том, что Семеновым не было абсолютно никакого дела, желает ли их младшенькая дочурка Машенька выходить замуж за этого или какого другого претендента.

В общем, в положенный момент грянул зубодробительный Мендельсон, а затем и опиумногашишный вальс «На сопках Маньчжурии» – специально для молодоженов. Уже будучи супругами, Эдик и Маша пустились в свой первый танец. Эдик крепко прижал Машу к себе и, шумно дыша прямо в ухо, доверительно сообщил:

– Уж я тебя сегодня оттрахаю до полусмерти!

Одобрительно покачивая головами, гости смотрели, как молодожены изображали нечто отдаленно напоминающее вальс. На мамочке сверкали фамильные дворянские бриллианты, чудом сохраненные в славные времена Ленина-Сталина-Брежнева, – как и глубочайшая тайна самого мамочкиного благородного происхождения. Папа импозантно посасывал сигару. Приторносердечное выражение на лице свекрови и развратная физиономия свекра. Да еще все эти друзья, лучшие люди подавляющего национального меньшинства, празднующие событие, которое было для Маши все равно что дурной сон. Даже напарник папы по теннису был тут как тут – статный русак-государственник, тот самый, который недавно пострадал в известных смутных событиях, немножко переусердствовав в общенациональном вопросе. Его при-

гласили, чтобы продемонстрировать демократизм, которым Светловы славились еще со времен «оттепели». И чтобы уж окончательно прославить в подобном духе идеи демократии, была приглашена также домработница, полуграмотная, но преданная баба Маня, которую усадили на всеобщее обозрение на почетном месте...

И вот посреди этого чудненького семейного торжествапиршества кружилась в темпе вальса Маша Семенова, обладательница дипломов многочисленных литературных и филологических олимпиад, едва закончившая школу и подавшая документы на журфак, мечтающая о карьере журналистки. Причем кружилась она не с кемнибудь, а со своим законным супругом, – с человеком, который намеревался ее сегодня не просто трахнуть, а поиметь до полусмерти.

III

Два дня спустя Эдик и Маша отправились в мать городов Киев, где, можно сказать, и начался их медовый месяц – обстоятельное турне по местам и местечкам пока еще братской малоросской республики с конечной остановкой в населенной многочисленными родственниками Одессе маме, – перед тем, как возвратиться в Москвуматушку.

В то первое киевское утро, невольно поглядывая из окна интуристовского гостиничного номера в направлении горделиво прорисовывающегося на горизонте гинекологического центра, Маша размышляла о запланированной Эдиком экскурсии к Бабьему Яру. Эдик вознамерился осмотреть не только страшный яр, но и посетить мемориальную экспозицию архивных фотоматериалов – как трофейных, так и сделанных в период эксгумации массового захоронения. Он желал, чтобы Маша непременно сопровождала его в этой «экскурсии».

Жуя пирожные и запивая их «пепси», Маша размышляла о том, действительно ли упомянутые ужасы имели место, и удивлялась, что вообще согласилась составить Эдику компанию. К тому же, ей было досадно, что она не нашла в себе сил хотя бы отказать ему, – ведь другого такого случая, увы, больше не представится.

Эдик, то есть тот самый мужчина, с которым Маша теперь делила постель, пока что, судя по всему, так и не поимел ее до полусмерти. Маша пришла к такому заключению на том простом основании, что еще не потеряла способности спокойно и трезво размышлять.

Вообще, когда Эдик хрестоматийно насаживал ее на себя, она действительно испытала некоторый кратковременный дискомфорт. Чтото наподобие гинекологической манипуляции, когда двумя неделями раньше докторша в районной женской консультации устанавливала Маше допотопную контрацептивную диафрагму. Не обращая внимания на ее крики (сама того хотела!) и без колебаний докторша принялась орудовать своими гинекологическими железьяками – а именно, специальным зеркальцем для обследования девственниц, поскольку дело об аборте в медицинской карточке у Маши зафиксировано, естественно, не было... Эдик тоже игнорировал ее крики, шумно дышал, сопел, после чего вдруг издал странного свойства всхлип и разрядился в Машу, выплеснув общих нерожденных детей в надежную, как отечественная противотанковая надолба, импортную резиновую преграду.

– Тебе было хорошо, любимая? – спрашивал он Машу после каждого мимолетного раза, коих было всего шесть.

Шесть раз Эдик впрыскивал в ее плоть свою жидкость, не подозревая, бедняга, о противотанковом заграждении.

– Что значит «хорошо», Эдик? – переспрашивала она, зябко пожимая плечами.

Откуда ей было знать, что такое хорошо, – как, впрочем, и что такое плохо, – если единственное серьезное сексуальное впечатление имело место почти год назад еще в школе.

– А что у тебя было с тем гаденьшем? – насупившись, поинтересовался Эдик.

– Сам ты гаденьш, – обиделась Маша.

– Ну ладно, – смирился Эдик, – с тем, как его...

– Вообще, у нас с ним были идеологические разногласия. Я хотела на него положительно повлиять, переубедить. Ведь он просто обчитался Бакуниным... В первый же день мы с ним побежали к Белому Дому. Он очень хотел посмотреть, как гэкачеписты будут его штурмовать. А я сразу догадалась, что ничего такого не предвидится... Мы с ним много спорили, и нам было интересно вместе. А потом мы пошли к нему домой...

– Зачем? – буркнул Эдик.

– Как зачем? Перекусить, согреться, выпить вина... А кроме того, в тот вечер передавали мое любимое «Лебединое озеро»...

– Да нет же! – снова перебил Эдик. – Зачем тебе понадобилось переубеждать этого гаденыша? Или тебе просто хотелось, чтобы он тебя трахнул?

На том доверительная беседа молодых людей закончилась. Маша так никогда и не рассказала Эдику, как она сочувствовала и жалела «гаденыша», задолбанного школьными порядками и родителями – застрельщиками перестройки с кафедры марксизма-ленинизма МГУ, которые с самыми лучшими намерениями пытались внушить сыну азы «нового мышления». А мальчик почитывал не только Бакунина, но и еще койкого. Был он на год старше Маши и провалился со своим Бакуниным в институт. Напившись дешевого вина у него дома, они упали на диван в его захлавленной программной литературой комнате, и он чрезвычайно нежно овладел Машей под оргастическое потрескивание автоматных очередей, начавших раздаваться со стороны Садового кольца, которое находилось в прямой видимости из его окна. Стало быть, дело происходило вовсе не в лифте, как это предполагал папа. Хотя драные кожаные штаны тут несомненно фигурировали. Потом они вскочили и побежали на улицу, наблюдать за тем, как развиваются события. На стене дома уже кто-то успел вывести пульверизатором «По Кремлю – без промаха!» и «Коммуняк – на фонари!»... А через два месяца мальчик загремел в армию, откуда через некоторое время сбежал воевать в Приднестровье, где и сложил свою голову, сраженный пулей румынского стрелка. Ну а школьница Маша, при помощи папы и киевского вивисектора, убила тем временем их общего ребенка.

Эдик вывалился из ванной комнаты, где только что принимал душ, и вокруг бедер у него было обернуто красное махровое полотенце. Его плечи и грудь покрывали черные курчавые волосы, влажная веснушчатая кожа лоснилась, а лицо сплошь усеяно ярко—красными прыщами. Рассматривая своего мужа, Маша пришла к вполне объективному выводу, что если бы у него имелось хотя бы какое-то подобие подбородка, а нос был немного покороче, то он, возможно, был бы не так уж и плох. Да еще эта буйная волосяная растительность...

Эдик плотоядно потер ладонь о ладонь и, усевшись около чемодана с деликатесами, немедленно приступил к завтраку. Маша устроилась рядом, поджав под себя ноги, в шелковой ночной рубашке розового цвета. Всякий раз когда она тянулась, чтобы выудить из огромной коробки шоколадную конфету, ее левая грудь слегка показывалась на свет божий и обнажался матовотемный сосок.

– Полегче с конфетами, не то тебя разнесет, – предупредил Эдик. – Ты еще не одета! – проворчал он немного погодя. – Я хочу успеть к Бабьему яру, пока еще нет такой жары...

Маша пристально посмотрела на него, еще раз попытавшись понять, почему к тому же Бабьему яру она относится куда серьезнее, чем ее еврейский муженек. Ах, если бы только Эдик мог понять, что на Бабий Яр невозможно смотреть иначе, как на величайший позор всех времен и народов! Соглядатайство с национально-фашистскими и прочими оттенками неуместно и дико, – особенно, когда речь идет о вопиющей подлости рода человеческого как такового. Если бы только Эдик мог понять, что созерцание подобного должно возбуждать у человека не столько праведный гнев, сколько жгучий, непереносимый стыд... Если бы он это понял, она была бы век ему верна! Но увы, увы...

– Я собираюсь принять ванну, – сказала Маша, потягиваясь.

В этот момент Эдик уставился на Машу таким тупоцелеустремленным взглядом, что у нее не осталось никаких сомнений в его пробуждающихся намерениях.

Она поспешила запахнуть грудь, чтобы не дать ему лишнего повода, однако слишком поздно – он уже завелся. Он ухватил Машу за руку и завалил на постель. Пробормотав что-то нечленораздельное, он принялся гладить ее груди и ловить губами один из сосков, а Машину руку употребил на то, чтобы по мере сил стимулировать свой неспешно набухающий отросточек. Маша не сопротивлялась по той простой причине, что сопротивление отняло бы у нее гораздо больше сил, чем если бы отдаться побыстрому. Решив действовать оперативно и энер-

гично, она крепче сжала пальцы и ощутила его горячую пульсацию. «Его» или «он» – именно так Эдик имел обыкновение с незамысловатой иносказательностью именовать свой член, который по этой причине Маша мысленно окрестила «третьим лицом».

– Полегче! – приказал он, – не то я слишком быстро кончу!

Однако она не сбавила темпа, уже успев сообразить, что то, что для него означает «кончить», для нее, для Маши, означает «начать».

Когда же «третье лицо» уже проникло в Машу, та вдруг вспомнила, что забыла вставить предохранительную диафрагму.

– Подожди! – испуганно вскрикнула Маша. – Я могу залететь!

– Не беспокойся, – успокоил ее Эдик, натужно сопя. – Пусть у нас будет ребенок. Я могу себе его позволить.

В критический момент Эдик был так задумчив, словно прикидывал в уме, действительно ли он может позволить себе ребенка и в какие денежные траты это дело выльется. Вероятно, он успел прокалькулировать затраты вплоть до совершеннолетия отпрыска и его обучения в престижном коммерческом колледже где-нибудь в Штатах...

Увы, это все-таки произошло... Маша как могла старалась быть начеку, не привлекать лишней раз внимание Эдика к своим прелестям, а он таки оплодотворил ее в номере киевской гостиницы с видом на знакомый гинекологический центр. Она чувствовала, как теплая жидкость стекает по бедрам и понимала, что все ее надежды на то, что еще удастся как-то избежать этой жизни, в которой Эдик будет фигурировать в качестве супруга, рухнули окончательно. Она физически ощущала себя беременной. Когда она погрузилась в горячую ванну, у нее не было ни малейших сомнений в том, что в ее существе уже успело произойти удвоение. И как теперь не подмывайся, толку от этого никакого. Самый проворный из тысяч Эдиковых сперматозоидов успешно атаковал ее целомудренную яйцеклетку. В ту же секунду Машу сразило чувство, которое в народе называют «безнадегой». По сравнению с этим, отчаяние и тоска, овладевшие ею, когда несколькими днями раньше она стояла перед священнослужителем были просто щекоткой.

Она вернулась в комнату совершенно нагая и бесстрашная. Больше бояться было нечего. Эдик что-то бездарно насвистывал. Он встал у Маши за спиной, она видела его отражение в зеркале, и он ухмылялся.

– Поторопись, – сказал он. – Я уже заказал такси.

– Я не поеду.

Это был первый, но отнюдь не последний раз, когда она возразила ему.

– Что значит – не поедешь? Ведь это запланировано!

– Что за дикая идея во время свадебного путешествия посетить Бабий яр? Я не могу. Не могу и не хочу!

– Ты будешь делать то же, что и я. – заявил Эдик. – Мы теперь две половинки одного целого.

Как он был в данный момент не прав. Он отнюдь не был половинкой. Он не был даже одной восьмой.

– Ну, пожалуйста! – захныкал он, – Я ведь хотел сфотографировать тебя там на память...

А кому, интересно, достались бы эти фотографии в случае развода? Снимки были сделаны его фотоаппаратом, заявил бы Эдик. Так – то оно так, ответила бы Маша, но вот улыбочка на фоне мемориала принадлежит ей. Он будет неистово отсуживать у Маши все, – включая не сданную пустую посуду, какая только отыщется на кухне. Маша была уверена в этом, как была уверена в своей беременности. Однако она даже не подумала о том, что будет с ребенком. Она не подумала об этом просто потому, что ребенка не могло быть.

В тот день Эдику пришлось отправиться к Бабьему яру в одиночестве, а она осталась в номере, продолжая размышлять о том, как вообще с ней все это могло приключиться.

Она вспоминала большую дачу в Пушкино, которую семья снимала на лето. Тогда все казалось простым. Мама всегда приглашала много гостей. У Семеновых весело гуляли. Весело, легко, хотя и без затей... Впрочем, может быть, не так уж безоблачно все было даже тогда.

Сестрички Катя и Маша сидели на огромной светлой веранде и жевали бутерброды. Папа и мама ссорились на втором этаже. Бутерброды лежали стопочкой на тарелке посреди круглого облупленного стола. Бутерброды были трех видов – с сыром, вареной колбасой и селедочным маслом. Уплетая колбасу, которую она ловко подхватывала с хлеба языком, Катя, казалось, забывала обо всем на свете. Ярко выраженный пищевой инстинкт. Что касается Маши, то она осторожно слизывала с хлеба селедочное масло и прислушивалась к обрывкам злых фраз, которые долетали со второго этажа. Она старалась составить цельное впечатление о разговоре. Речь, по всей видимости, шла о секретарше, которая работала в папиной нотариальной конторе. Мама была очень рассержена. Мама предупреждала папу, что если подобное будет продолжаться, она с ним разведется.

– И ты меня больше не увидишь, жидяра! – кричала мама.

– Антисемитка! – почти добродушно отбивался папа. – Погромщица!

Маленькая Маша отметила про себя, что при этом ни словом не было упомянуто о них, о детях. Маша была готова зареветь. Куда же денутся они, детки? Этот вопрос надрывал детскую душу. Она была перепугана появлением в их жизни какойто пресловутой секретарши – зловещего персонажа вроде ведьмы или бабы Яги.

Маша вопросительно взглянула на Катю, но та была слишком увлечена поеданием ломтиков сыра, которые исчезали у нее во рту с изумительной быстротой. Что значит старшая сестра. Наверное поэтому младшие почти всегда вырастают заморышами. Потом наступила очередь бутерброда с селедочным маслом, который Катя принялась методично обкусывать со всех сторон, так что от него скоро остался только маленький кружок, на который Катя некоторое время любовалась, словно на произведение искусства, чтобы затем отправить вслед за остальным.

– Катенька, – прошептала Маша, – ты слышишь?

– Слышу, а что? – ответила та, засовывая остаток бутерброда в рот и проталкивая его внутрь указательным пальцем.

Глядя на нее, трудно было поверить, что она способна на какиелибо чувства. А если и способна, то, вероятно, чувства весьма специфические.

Вообщето, ни одна из сестер не умела успокоить или приободрить другую, поскольку никто их этому не учил.

Мама сбежала со второго этажа, когда Катя допивала компот, а Маша лишь приступила к бутерброду с колбасой. Следом за мамой сбежал и папа.

– Шизофреничка! – вопил он.

– Мамочка, любимая! – тут же вскрикнула Маша, вскакивая.

Ослепнув от горьких слез, мать стремительно побежала по направлению к вишневому саду – даже не оглянувшись на дочку, а отец вздыхая уселся рядом с детьми за стол на веранде. Сестра Катя как ни в чем не бывало искусно завела с ним разговор о своих собственных нуждах. Что же, так у них заведено – каждый за себя.

– Я уже выросла, папа. Мне нужен новый велосипед.

– Хорошо, – смущенно ответил отец.

Однако тут вмешалась Маша. В своих семь лет она все еще не понимала всех хитросплетений в отношениях полов.

– Почему вы с мамой ссоритесь? – в лоб спросила она.

– И вовсе мы не ссоримся, – проворчал отец. – Просто иногда родителям нужно выяснить отношения.

– А что такое шизофреничка? – настаивала Маша..

– Шизофреничка, – без колебаний ответил он, – значит просто нервная.

Маша с сомнением покачала головой. Даже в семь лет трудно удовлетвориться таким приблизительным ответом. Она смолчала, но отцу не поверила. Только спустя годы она поняла, что ошибалась. В томто и дело, что взрослым действительно очень часто приходится выяснять отношения, а эпитет «шизофреничка» – для таких мужчин, как ее родитель, – действительно обозначает чтото вроде нервной женщины.

Когда в тот вечер Эдик не вернулся в гостиницу к ужину, Маша ощутила детский сосущий страх – где – то внизу живота, – можно было бы указать анатомический орган и более точно, – да, она помнила этот страх еще с тех пор, когда прислушиваясь, ждала, как в конце рабочего дня в замке входной двери начнет поворачиваться ключ, и дома появится отец. Девочка никогда не знала, что случится на этот раз и когда начнется ссора. Теперь, сидя в одиночестве в гостиничном номере, она думала о том, сколько же ей пришлось вытерпеть от него – от ее отца.

Когда ему было выгодно, он сразу становился евреем. Он был евреем, когда собирался узкий круг избранных профессионалов и за водкой можно было повторять «я еврей и ты еврей» с таким же исступлением, с каким русские рвут на себе рубаху, чтобы продемонстрировать православный крест. Однако и в такие редкие моменты в горле у него слегка першило, и он подозрительно присматривался к соплеменникам, словно сомневаясь, что его почитают за своего. Время было что ли такое или страна, что он как будто и сам начинал сомневаться в своей исторической богоизбранности.

Когда же он попадал в общество знакомых и родственников жены, которые всю дорогу маниакально твердили о материнских и прочих линиях Пушкиных и Гончаровых, а в перестроечную компанию добрались и до Рюриковичей, он вдруг превратился в нееврея и даже начинал чтото бормотать не то о купеческих, не то о казачьих кровях. Особенно он становился неевреем, если дела заносили его в закрома родины, и на обильных сабантуях чиновничьей братии, с партийцами и гебистами его дружески шлепали по заду, отпуская очередную антисемитскую шуточку... И только в самое последнее время, когда о евреях устали говорить даже сами евреи, он, кажется, вообще наконец забыл о своей национальности. Лишь однажды, когда Маша в полемическом запале выразилась о своем женихе Эдике этот «новый русский», отец вдруг почти печально улыбнулся и неожиданно для самого себя сказал:

– Какой он новый русский, если ж мы ж с его папаней старые евреи?

Как бы там ни было, все эти национальные полутона, без сомнения, имели самое прямое отношение к тому, как складывалось детство Маши Семеновой, прошедшее в большом доме на Патриарших, в который мамыны предки заселились еще до войны, поскольку были крупными советскими служащими, впоследствии многократно репрессированные и реабилитированные. Медленно деградируя, дом тем не менее постоянно состоял в ведении какихто важных хозяйственных управлений, а потому Маша сызмальства росла в окружении вохровских рож, и все эти лифтеры и вахтеры, примелкавшиеся в служебном контексте, воспринимались почти в качестве дальних родственников. К тому же отроковице Маше приходилось проводить в их обществе довольно много времени, по причине того, что в воспитательных целях строгий отец имел обыкновение не пускать Машу в квартиру, если она возвращалась домой позже назначенного часа. Пристыженная и оскорбленная, Маша отсиживалась в служебной каморке парадного на потертом кожаном диванчике около ночного вахтера. До чего же позорно и тягостно было коротать ночь на этом диванчике и, в полудреме наблюдать, как над Патриаршими занимается зорька! Ночной вахтер вечный старик Петрович, казалось, должен был вполне разделять точку

зрения отца Маши в вопросе воспитания. Однако на его дубленом лице появлялось подобие сочувственного выражения, и Маша была готова провалиться от стыда сквозь землю. Конечно, она всячески старалась дать понять старику Петровичу, что подобное ночное времяпрепровождение в его каморке – совершенно естественная вещь для юной девушки из приличной семьи. Петрович отмалчивался и деликатно отводил взгляд. Его, заслуженного отставника госбезопасности, которому довелось насмотреться всякого, приводило в смущение, как приличные люди тиранят свое чадо. Выпороть – еще тудасюда. Но заставлять холеную барышню валяться как последнюю на вахтерском диване – это уж слишком! Этот явный педагогический перегиб огорчал почтительного к субординации Петровича, и, не глядя на скорчившуюся на диванчике Машу, он скорбно качал головой и начинал чистить для нее огромное антоновское яблоко, которое извлекал из газетного кулька, приготовленного для него супружницей. Он побратски делился со ней домашними котлетами и пирогами и лишь лечебную огненную воду единолично высасывал из своей маленькой походной фляжки. Ранним утром мимо них начинали проходить сонные жильцы, спускавшиеся выгуливать собак. Проходил почтальон с толстой сумкой на ремне. Он тоже становился свидетелем Машиного позора. Потом на дежурство заступал сменщик Петровича и, увидев Машу, обменивался с Петровичем понимающим взглядом...

Тут нужно заметить, что из всех жильцов один лишь папа держался с вахтерами с подчеркнуто бесстрастно. Никакой фамильярности, никакой сердечности. Попросту говоря, они для него вообще не существовали. Оттого, вероятно, сочувствие последних доставляло Маше особенную муку. Дожидаясь, пока отец смиростивится и пришлет за ней Катю, Маша имела достаточно времени, чтобы философски поразмыслить обо всем об этом. Однако она так и не решила, что безнравственнее – отцовское пренебрежительное отношение к вахтеру, которого он считал просто низшей формой жизни, или же бессердечие, которое он проявлял, наказывая подобным образом дочку за то, что та задержалась на десять минут после школьного вечера.

Ожидая возвращения Эдика той ночью в Киеве, Маша пришла к заключению, что, наказывая ее, родитель наказывал и мучил самого себя. Чтобы понять эту элементарную вещь, Маше потребовалось не только повзрослеть, но и выйти замуж... Как все это объяснить Эдику, которому глубоко наплевать, как муторно и пакостно на душе у позолоченной девушки, которую он взял в жены? Главное, он взял приличную девушку из своего круга, почти девственницу. Остальное дело техники. И никакого просвета впереди. Перед глазами Маши уже замаячило видение надгробной плиты на собственной ее могилке и отчеканенные слова, в которых, если можно так выразиться, будет сконцентрирована вся пустота и никчемность ее жизни: «Моей дорогой супруге Маше, матери моих детей от любящего Эдика...» Такова будет последняя запись о ней в Книге Судеб... Ну уж нет, только не это! В этой жизни Маше хотелось еще коечего, кроме почетного звания «дорогой супруги любящего Эдика».

Мало по малу дело стало проясняться. Все дело в том, что она всегда вела себя как затюканный ребенок, который лезет вон из кожи, чтобы оправдать родителей и всячески отрицает, что именно папа и мама льют деготь в мед его жизни. Все несправедливости Маша всегда воспринимала как должное и задним числом оправдывала родителей, – в частности, отца. Что касается матери, то та, будучи по натуре женщиной негибкой воли, никогда не скрывала своего холодного, почти безразличного отношения к дочерям...

Бедный, бедный Эдик Светлов. Вот какими словами она встретит его, когда он вернется в гостиницу. Впрочем, ему никогда не понять, какая убийственная ирония заключена в этих словах.

– Бедный Эдик!..

На его лице отразилось смущение. Он все еще держался рукой за дверную ручку, словно боялся поскользнуться.

– И ведь тебя это даже не удивляет, дорогой, не правда ли? – мягко продолжала Маша.

Он долго и довольно бессмысленно пялился на нее, а потом сказал:

– Удивляться вообще не в моих правилах.

Он старался изъясняться внушительным тоном.

– Должен тебе заявить, – начал он с запоздалой надменностью, – что отказываться следовать за своим мужем во время свадебного путешествия есть начало нравственного падения...

IV

В общем, так или иначе Эдик покончил с осмотром мемориальных достопримечательностей в городе Киеве, и через некоторое время молодожены прибыли в Одессу и остановились у родственников Эдика на образцово-показательной приморской вилле, где Маша впервые начала осознавать размах семейного бизнеса Светловых. Однако поразило Машу не это. Эдик предупреждал, что попутно намерен устроить коекакие дела, но, едва они приехали, с головой ушел в бизнес. Дома в Москве отец никогда не занимался работой. Даже по телефону разговаривал мало и неохотно. У родственников Эдика все было иначе. Здесь безраздельно царила коммерция. Приходили и уходили какие-то люди. Эдик не отрывал от уха радиотелефона. Информация поступала непрерывно. Жизнь Эдика устремилась в привычное для него русло капиталовложений, валютных курсов и экспорта-импорта. Маша почувствовала себя лишней. Бесконечные деловые завтраки, совещания и визиты к партнерам. Это было похоже на то, как еще девочкой она однажды влезла на колени к папе, чтобы посмотреть, как взрослые играют в преферанс. Взрослые острили, хохотали, огорчались и до хрипоты спорили, а она только напряженно следила за выражениями их лиц, пробуя угадать, когда нужно засмеяться или огорченно вскрикнуть, однако все происходящее было абсолютно лишено для нее какого-либо смысла. К тому же игроки непрерывно курили и то и дело опрокидывали то чашку кофе, то рюмку коньяка...

Эдик прибыл в Одессу, чтобы повидать нужных людей, и более чем прозрачно дал понять Маше, что в течение дня ей лучше заняться как-нибудь своими делами.

Во время одного из бесцельных блужданий по городу, Маша забрела в дорогой французский магазин, чтобы присмотреть себе что-нибудь из нижнего белья. Там она и повстречала Риту Макарову.

Рита представляла собой абсолютную противоположность Маше. Иначе говоря, она обладала всем тем, чего не было у Маши: точеной изящной фигуркой, рыжими волосами, веснушками, искристыми зелеными глазами и нежным голосом. Однако, несмотря на внешность, Рита была стойким оловянным солдатиком и не боялась самого черта. Она любила цитировать Веничку Ерофеева: «раз уж родились, нужно немножечко и пожить...» Рита похоронила своего грудного ребенка, умершего не то от воспаления легких, не то от инфекции, подхваченной в больнице. В тот момент, когда она моталась с ребенком по врачам, муж сообщил, что уходит к другой женщине, с которой познакомился в ресторане.

Но Рита принимала жизнь такой как есть, а именно, бесконечной полосой препятствий и несчастий. Ей однако удалось сделать карьеру одного из самых удачливых редакторов на телевидении. Она вела дела на пару со своим вторым мужем Иваном Бурденко, весьма заслуженным телевизионным чиновником, который, к тому же, был достаточно умен и сердечен, чтобы понять, что горе заставляет людей глядеть на мир особыми глазами. Он понимал, что она нуждается в успехе более, чем в чем-либо другом. На телецентре они даже поместились в одном кабинете. На двери кабинета красовались две таблички с их фамилиями, между которыми чья-то язвительная рука вывела губной помадой сердечко, пронзенное стрелой. Однако ни Рита, ни Иван даже не подумали его стирать. Оба были того мнения, что человек может пережить что угодно, если только не потеряет чувства юмора.

Итак, Маша и Рита нашли друг друга в дебрях изысканного нижнего белья – среди бюстгалтеров, кружевных поясов и комбинаций. Маша без всякого удовольствия перебирала интимный товар и была полна самой черной меланхолии. Эдик уже успел махнуть на нее рукой и даже не пытался каким-либо образом возбудить в ней супружеский энтузиазм и вознаградить за то, что ей приходилось делить с ним ложе. Когда Маша подумала о том, что их супружество безнадежно прокисло, по ее щекам потекли слезы. Молодожен даже перестал интересоваться

ее мнением о технике секса. Видимо, он догадался, что она не только не пылает к нему страстью, но, в лучшем случае, старается относиться к его домогательствам философски.

Рита заметила Машу сразу же. Решительно приблизившись к ней, она сказала:

– Когда я вспоминаю, что все это мне влетит в копеечку, я тоже начинаю рыдать!

Взглянув на нее, Маша сразу заметила у нее на пальце обручальное кольцо и, словно встретив родственную душу, испытала что-то вроде облегчения: блеск золота, символизирующий узы Гименея, говорил о том, что и у нее есть муж, а значит, как женщина, она тоже несет свой крест.

– Я хочу сказать, – поправилась Рита, видя, что Маша хранит молчание, – нет лучшего способа утешиться, как купить себе что-нибудь подороже.

– Это точно... – кивнула Маша с улыбкой.

– Ничто не может так поднять настроения замужней женщине, как хороший лифчик или трусы... – продолжала Рита, и Маша снова улыбнулась.

– Как вам этот? – спросила она.

– Ну, этот вам пойдет, если только вы собрались в монастырь!

– Пожалуй, – кивнула Маша. – Слишком скучный.

– А как насчет этого?

– В этом я бы и в монастырь согласилась!

– Еще бы!

Тут они обе засмеялись и принялись вместе бродить по магазину и перебирать вещи. Потом они направились к выходу, решив где-нибудь посидеть и вспрыснуть знакомство. Отыскав маленькое открытое кафе в тени каштанов, они устроились поудобнее и повели более обстоятельный разговор.

– В Одессу – отдыхать? – поинтересовалась Рита.

– В свадебное путешествие. Мы только что прилетели из Киева. Мы с мужем... – проговорила Маша и смущенно умолкла, не решаясь поведать о том, какого рода развлекательную программу запланировал Эдик на медовый месяц.

– Вы плакали изза него? Или просто объелись шоколада?

– Как вы угадали? – удивилась Маша. – Так и есть. Я плакала потому, что оказалась совершенно не готова к семейной жизни... Теперь мне кажется, что от меня не останется ничего, кроме надписи...

– Какой надписи? – в свою очередь удивилась Рита.

– Да, на моей могилке.

Кажется, Рита поняла ее. По крайней мере, она больше ни о чем не спрашивала.

– А я в этих краях, можно сказать, в командировке, – сказала Рита, помешивая соломинкой коктейль. – Я работаю на телевидении, и мы делаем передачу о военных базах Черноморского флота и вообще о проблеме разделения вооруженных сил. Нас предупреждали, что у нас будут большие проблемы с местными военными властями...

Маше стало любопытно. Еще никогда не встречала женщину, которая, кроме того, что носила обручальное кольцо, занималась бы такими серьезными делами.

– Ну и пришлось мне натерпеться! – продолжала Рита. – Когда я приехала из Киева, ухитрившись выбить официальное разрешение, и вся группа уже вылетела из Москвы, одна местная сволочь мужского пола начала ставить нам палки в колеса.

– Не понимаю, – сказала Маша.

– Политика, – усмехнулась Рита. – То есть это он так думает.

– Но почему же он так уперся?

– Да потому, – нетерпеливо сказала она, – что женщинам в этом мире отведено лишь получать оплеухи. А тем, кто связал себя с политикой или, упаси бог, с телевидением – тем более...

Так они мило беседовали, и Маша даже не заметила, когда они перешли «на ты».

– Ну а ты что подделываешь? – спросила ее Рита.

– Вот, вышла замуж...

– Это я уже знаю, – мягко улыбнулась Рита. – Видела, как ты орошала слезами бюстгалтеры и трусы... Я спрашиваю о том, чем ты занимаешься и вообще есть у тебя какие планы.

– Сначала были, а теперь не знаю...

– А вот это просто глупо. Замужество, как бы это сказать, вещь сомнительная во многих отношениях. Особенно, если ты в нем не очень счастлива. Заметь, прошло только две недели, как ты замужем, а уже недоумеваешь по поводу того, что с тобой происходит.

– Не знаю...

– В любом случае тебе стоит поразмыслить о том, чем заняться. Ведь что-то тебя, наверное, интересует?

Сначала робко, а потом смелее Маша принялась рассказывать о своей заветной мечте.

– Мне кажется, я бы хотела стать журналисткой... Я подала документы на журфак. Я бы хотела заниматься чем-то настоящим. Чтобы много ездить, много видеть... Там, где происходит самое главное... Может быть, даже делать репортажи о войне.

Рита с удивлением взглянула на эту девчонку, которая выскочила замуж, когда у нее еще молоко на губах не обсохло, но слушала с искренним вниманием и заговорила только тогда, когда фонтан Машиного красноречия иссяк.

– Короче, ты бы хотела работать на телевидении? – спросила она. – В эфире?

Эти слова, произнесенные так запросто и вслух, повергли Машу в замешательство, которое тут же сменилось глубоким унынием. Мечта показалась ей совершенно не реальной. Первый раз в жизни завела об этом речь с посторонним человеком. Ничего глупее, наверное, нельзя было придумать.

– Да, на телевидении, – сказала она почти со злостью и вспыхнула. – Да, в эфире!

В конце концов, почему она должна стыдиться своей мечты?!

– А с чего ты взяла, что у тебя это получится? Не такое простое это дело.

– Я просто знаю, – твердо ответила Маша, словно уже боролась за свое место под солнцем на телевидении. – И если бы кто-то дал мне шанс, я бы это доказала.

Рита опять улыбнулась.

– Это весьма жестокий мир. И грязный. Наверное, нигде нет столько грязи, как на телевидении. Другой такой работы, пожалуй, и не сыскать. Можешь мне поверить. Мне ох сколько пришлось нахлебаться...

Маша только пожала плечами. У нее на лице попрежнему была написана твердая решимость. Про себя же она удивлялась, до чего они могли договориться, едва познакомившись.

– Мне пора, – вдруг спохватилась она. – Я обещала встретиться с Эдиком в пять, а сейчас уже без пятнадцати!

Маша умолчала о том, что Эдик Светлов бывает весьма недоволен, когда его заставляют ждать. Она была достаточно умна и понимала, что в качестве супруги одаривает его ласками более чем скромно, – а он многого и не требует, – а потому, по крайней мере, нужно иметь совесть и стараться не доставлять ему слишком много хлопот вне постели. Так она решила для себя с первых же дней их совместной жизни.

– Ничего, подождет, – небрежно сказала Рита. – Подождет и пять минут и даже пятнадцать. Ничего с ним не случится. Я обещаю.

Они допили коктейль, и Маша бережно спрятала в сумочку визитную карточку с телефоном, которую ей протянула Рита.

– Обязательно позвони, – сказала Рита.

– Как только приедем в Москву, – пообещала Маша.

Она возвращалась к Эдику с легким сердцем. Словно впервые в жизни почувствовала себя самостоятельным человеком. Вообще, человеком. Так, вероятно, самоощущали себя целые народы, когда катапультировались из состава Союза. Неплохое сравнение, подумалось ей, журналистское. Надо бы записать. Впрочем, в действительности дело, может быть, обстояло куда серьезнее. Маша сделала свой жизненный выбор, и еще неизвестно, к чему этот выбор мог ее привести.

Эдик дожидался Машу, нетерпеливо прохаживаясь около дома. Он то и дело вытягивал шею и озирался по сторонам. Маша опаздывала на пятнадцать минут. Он ждал не столько ее появления, сколько того, как она будет оправдываться.

– Маша, – строго сказал Эдик, – никогда не заставляй меня ждать. В нашей семье деньги зарабатываю я, и за все плачу тоже я.

Прошло всего две недели их медового месяца, самым ярким воспоминанием которого у Маши должно было стать несостоявшееся паломничество к ужасному Бабьему яру, а Эдик уже раз и навсегда распределил их роли. Маше, как она это поняла, отводилась роль вечно виноватой и оправдывающейся стороны.

V

Тяжелый транспортный самолет ждал на пустынной бетонной полосе в военном аэропорту близ Грозного. Маша держала ладонь на сером цинковом гробу, который вотвот должен загрузить в чрево самолета. Накануне у Маши был еще один прямой выход в эфир прямо в момент очередного обстрела боевиками российского блокпоста. Она стояла перед телекамерой и рассказывала о текущей ситуации в пекле гражданской войны, рассуждая о том, каким образом эта война может повлиять на общую политическую ситуацию в стране, на отношения России с другими кавказскими республиками. Она чувствовала, как ее эмоциональная, почти импровизированная речь складывается в один из самых драматических телевизионных репортажей, которые ей когда—либо приходилось вести.

Впрочем, ей мало верилось в то, что телезрители вообще способны понять весь ужас того, что здесь происходит. Огромная территория была охвачена неискоренимым мятежным духом, и многочисленные и подчас противоборствующие друг другу отряды боевиков, рассредоточенные в недоступных федеральным войскам горах, были готовы сражаться насмерть до последнего человека.

Голос Маши прервался, а на глаза навернулись слезы, когда она начала рассказывала о том, на что способен подствольный гранатомет. Режиссер делал ей знаки, чтобы она во что бы то ни стало продолжала, не желая прервать съемку, хотя Маша делала ему отчаянные знаки, что ей необходима передышка. Режиссер сожалел лишь об одном – о том, что не посчастливилось заснять все случившееся с Ромой вживую. Если бы только удалось это сделать, то выдающийся ролик можно было бы тут же толкнуть западным коллегам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Со стороны режиссера никаким цинизмом здесь и не пахло. Что случилось то случилось, а работа прежде всего. После эфира режиссер уверял Машу, что материал, тем не менее, отнят грандиозный, а главное, им удалось сработать эпизод прямо в ходе боевых действий... Что ж, видно, бедный Рома уже превратился в «эпизод»...

Александр Вовк попрежнему находился рядом. Полковник в выгоревшем камуфляже с серыми звездами на погонах. Он был рядом с Машей, когда погиб Рома Иванов. Теперь он поддерживал Машу под локоть, пока она дожидалась погрузки цинкового ящика в самолет, который должен был доставить тело в Москву. Может быть, Маше нужно было попытаться послать родителям Ромы телеграмму в глухую деревню под Торжком, даже если московское начальство уже уведило их о гибели сына. Пожалуй, им было бы немного легче, если бы они узнали об этом от Маши, – то есть от той, которой эта смерть не совсем была безразлична. От той, которой Рома рассказывал о своем детстве и о том, каково быть сыном деревенского милиционера. В детстве Рома был бойким парнишкой, а его отец жестоко карал за драки и пьянку местную шпану, в компании которой шатался его сынок, пока не увлекся радиотехникой. Мать Ромы, простая сельская баба, суеверная и верующая, была бы тронута, если бы Маша поведала ей, как переживал Рома изза того, что в свой последний приезд, когда мать стала приставать к нему, почему он никак не женится, Рома прямо заявил ей о своих столичных трансвеститских наклонностях. Рома в лицах рассказывал Маше об этом разговоре и о том, как у матери испуганно распахнулись глаза, а ладошкой она прикрыла отвисшую челюсть. Она была в шоке, не в состоянии поверить, что у сыночка, выросшего в нормальной советской семье, могли укорениться такие паскудные убеждения. Теперь она, должно быть, зачистит в церковь и будет недоуменно вопрошать боженьку, почему тот, при всей своей бесконечной мудрости, вместо того, чтобы вразумить ее единственного сыночка, отнял его у нее. Маша могла бы уверить ее, что Рома возвел на себя напраслину, что именно такие – чистые и непорочные, как ангелы небесные, и нужны боженьке...

Слезы опять потекли у Маши по щекам, когда она вспомнила, что всего неделю назад Рома как раз приглашал ее посетить с ним окрестности родного Торжка, русскую Венецию, познакомиться с его родителями. Она могла бы сказать его матери, даже солгав в утешение:

– Он не успел меня с вами познакомить, но я та, которая знала вашего сына с самой лучшей стороны. Я любила вашего сына. И он приглашал вместе погостить у вас, пойти по грибы, по ягоды, поудить рыбку. Потому что на родной сторонке, как он уверял, сам воздух целебен для его души. Потому что родители это святое и тому подобное... Понимаете, – сказала бы Маша, – у нас, в столице ничего этого нет. У нас там перестройка и всякое такое. Вы же знаете. У нас заботятся как бы сделать выгодное вложение, а духовная пища совершенно исключена из рациона... – Эти слова, по мнению Маши, вполне подходили к случаю.

Ее рыдания раздавались все явственнее, и полковник Александр Вовк молча подал ей мятый, но чистый носовой платок, который извлек из кармана своих камуфляжных штанов. Она взяла платок, даже не взглянув на полковника, и принялась сморкаться и утирать слезы. Потом на нее нашло что-то вроде столбняка. Четверо мужчин подняли серый цинковый гроб, погрузили его на желтый электротранспортер, который медленно пополз в чрево самолета. Рома Иванов отправлялся домой, в русскую Венецию. Как знать, было бы ему отраднее, если бы он знал, что есть на земле люди, которые о нем убиваются и грустят и даже с нетерпением ждут, чтобы получить то небольшое, что от него осталось...

Только за последнюю неделю здесь погибло тридцать семь мирных жителей, включая женщин и детей. Один «шаловой» снаряд обрушил дом, под сводами которого погибла целая семья из шести человек. Не осталось никого из родных, кто бы мог их оплакать. Во время обстрелов блокпостов, а также при подрывах на минах на минах и от пуль снайперов погибли семь российских военнослужащих. Из них один – в чине майора. Тела четверых будут отправлены на родину, остальных похоронят там, где они сложили головы. И это потери, когда в войне наступило относительное затишье, и активных боевых действий не велось.

Сегодня Маше еще предстояло вести репортаж из штаба федеральных войск в Чечне и попытаться выяснить, каковы на ближайшее время намерения военных, а также каких ответных действий можно ожидать со стороны вооруженных формирований. Она сунула руку в карман своей выстиранной и высушенной курточки и нащупала прямоугольный кусочек пластика – пресловутую кредитную карточку Ромы Иванова, которую вкупе с плеером можно было считать единственным оставшимся от звукооператора имуществом, а саму Машу невольной душеприказчицей...

Дело сделано. Створки грузового отсека самолета захлопнулись и немногочисленная публика начала расходиться. Маша медленно брела прочь, мысленно воспроизводя одну и ту же картину: цинковый ящик с телом исчезает, больше она никогда не увидит Ромку.

Она увидела, что ей навстречу выбежал режиссер, который пытался докричаться до нее сквозь рев самолета, вырвавшегося на взлетную полосу.

– Машенька! – услышала наконец она, – завтра утром у нас запись беседы в штабе. Это пойдет прямо в вечерний выпуск новостей!

Маша кивнула.

Какая к черту разница, в какой выпуск – вечерний или утренний – пойдет репортаж? Вопрос в том, сможет ли она рассказать, как здесь гробят людей, и почему, – даже тех, кто приехал зафиксировать безумие этой бойни для истории.

«Отстоять свободу и демократию любой ценой». Кто именно это сказал? Маша не помнила. Кто-то из российских политиков? Или кто-то из чеченцев? Как многое меняется, в зависимости от того, в чьих устах прозвучали эти слова! А может быть, это сказала Рита?.. Вспомнив о ней, Маша непроизвольно улыбнулась. Вопреки смертной тоске. Уж она, Рита, несомненно сумела бы подобрать достойные слова, чтобы охарактеризовать весь этот содом.

Кажется, уже сто лет прошло с тех пор, как они выпивали с ней в маленьком одесском кафе, болтали и хохотали до слез. Рита всегда была в курсе ее личной жизни, включая ту последнюю ночь, когда Маша наконец сбежала от Эдика Светлова. Рита выслушивала все ее жалобы, всю горькую повесть о ее ужасном замужестве и жизни с человеком по имени Эдик Светлов, которого Рита терпела только потому, что тот был мужем ее подруги.

– Есть вещи похуже, чем развод, – спокойно заявила Рита.

И как всегда была права.

– Я отвезу вас, – предложил полковник, беря Машу под руку.

– Нет, это ни к чему. У нас своя машина, – ответила она.

– Знаю, что это ни к чему, – ответил он, подводя Машу к машине. – Но мне бы очень этого хотелось.

Взглянув на него, Маша вдруг поняла, почему вот уже несколько недель упорно отвергала ухаживания этого человека. Много раз она видела его крупную сильную фигуру, когда он широкими шагами мерил бетонные дорожки в расположении штаба армии или лихо проносился по улицам города на броне БМП в компании автоматчиков. Она сталкивалась с ним, когда со съемочной группой колесила по селениям и поселкам, но всегда притворялась, что не замечает его. А он всякий раз старался заговорить со ней. У него был мягкий малоросский выговор. Маша делала вид, что не понимает, что он обращается именно к ней. В конце концов она научилась узнавать его издали – по взлохмаченным волосам и своеобразной походке. Он противоуставно держал левую руку в кармане камуфляжных штанов, а его плечи были слегка приподняты, что придавало ему несколько чудаковатый вид. Маша интуитивно чувствовала его приближение и, как правило, успевала улизнуть прежде, чем он успевал подойти ближе. Но однажды, когда они столкнулись буквально нос к носу на одной прессконференции, которую давали военные, она с трудом сдержала улыбку – столько смущения и радости было в его голубых глазах. Он показался ей тогда очень красивым, и она поспешила отвести глаза и поскорее сбежать. Он опасно красив, решила она.

И вот она сидела в его машине – в мощном армейском джипе. Он усадил ее к себе в машину так ненавязчиво, что она этого даже не заметила. В его манерах напрочь отсутствовала эта ужасная солдафонская услужливость, когда мужской организм измучен вынужденным воздержанием и вблизи женщины члены, упакованные в мундир, невольно начинают развратно выгибаться, причем последнее выдается за особое армейское изящество и молодцеватость. Словом, псевдогусарское поклонение прекрасным дамам с недвусмысленным заглядыванием в глаза в ожидании времени «ч».

– Вовк это значит волк, не так ли? – вдруг спросила Маша.

– Совершенно верно, – улыбнулся полковник. – По-украински. Я ведь хохол.

– И вы не обижаетесь, когда вас называют хохлом?

– А вы обижаетесь, когда вас зовут кацапкой?

– Я не обижаюсь, даже когда меня называют жидовкой, полковник Волк.

– А вот чеченцам не нравится, когда их называют черными, – спокойно сказал он. –

Но они не прочь, если их называют волками.

– А еще их называют чернозадыми и стирают с лица земли их города...

– Но здесь живут не только чеченцы.

– Да что вы говорите, полковник Волк! – усмехнулась Маша.

– Кажется, вы осуждаете военных?

– Не знаю... – резко мотнула головой Маша, а потом тихо добавила:

– Я войну осуждаю.

– Да что вы говорите, – улыбнулся полковник. – Войну все осуждают. И военные в том числе.

Маша искоса посмотрела на него. В ее намерения вовсе не входило затевать политический диспут. Да и, кажется, в его намерения тоже. Впрочем, именно такие подтянутые, бравые и скупые на информацию полковники приходят в прессцентр министерства обороны. Маша представила его перед объективом телекамеры. Она могла бы встретиться с ним для интервью... Впрочем, нет. Он всетаки другой. Он пропылен, обветрен, а главное, у него грустные глаза. Да и кажется, он вообще не из тех, кто горит желанием появиться на телеэкране.

– Вас поселили в «санатории», да? – спросил он.

– Да, – кивнула она, снова бросив на него быстрый взгляд, – Вы наводили справки?

– Это было нетрудно, – спокойно ответил он, пожав плечами. – Мне рассказывала о вас Татьяна...

«Санаторием» называли маленькую ведомственную гостиницу, располагавшуюся в одном абсолютно не пострадавшем от войны районе. Кажется, там раньше действительно было что-то вроде санатория. Администратором в гостинице работала восточная женщина с русским именем Татьяна. С первой же встречи Маша и Татьяна прониклись друг к другу искренней симпатией, и Татьяна отчаянно старалась, чтобы Маша чувствовала себя здесь как можно удобнее. Они часто болтали, попивая кофе и уютно устроившись на большом мягком диване в кабинете у Татьяны.

– Интересно, – чисто поженски удивилась Маша. – Что она могла вам обо мне рассказывать?

– Что вы очень нежная, трогательная и что опекать вас доставляет ей огромное удовольствие.

Маша слегка покраснела. Да, пожалуй он не из тех лихих господ офицеров, которые, едва «отстрелявшись», натягивают форменные черные трусы и начинают шарить под кроватью в поисках сапог и портянок. Маша почувствовала, что в данном контексте даже форменные трусы представляются ей весьма обворожительным и чувственным предметом туалета.

Полковник неторопливо заводил машину, а Маша мысленно прикидывала, сколько ему может быть лет. Наверное, около сорока. Таким образом, разница у них в возрасте – лет пятнадцать, не меньше. Впрочем, для него, для такого как он «волка», возраст понятие весьма относительное. Что же касается самой Маши, то сегодня, после всего, что ей довелось пережить, она казалась себе не молоденькой тележурналисточкой, а столетней развалиной. Она чувствовала себя так, словно только что попала под бронетранспортер...

Полковник виртуозно вел машину по разбитому бронетехникой шоссе. На пути попадались бесчисленные патрули и блокпосты, однако полковника, повидимому, повсюду хорошо знали в лицо, и он даже не притормаживал. Они мчались через город, большей частью разрушенный до основания, – так что в телерепортажах его кварталы напоминали хронику времен сталинградской битвы. Маша чувствовала, как то и дело он газует особенно ожесточенно и круто бросает машину из стороны в сторону. Она и виду не подавала, что ей прекрасно известно, что на таких участках местность хорошо простреливается снайперами. Она знала, что с определенных высот боевики могли разглядеть в сильные полевые бинокли и телескопические прицелы не только номера машин, но и сосчитать звездочки на погонах. Иногда по обочине дороги двигались маленькие караваны беженцев, – что было довольно странно, поскольку казалось, что из этих проклятых мест уже давно должны были сбежать все, кто только мог двигаться. Сотни тысяч людей были вынуждены искать спасения за тридевять земель. Маше доводилось делать репортажи об этих ужасных лагерях беженцев сразу за чеченской границей... А сколько еще людей отказывались бежать! Дом, даже если от него остались одни лишь закопченные стены, попрежнему оставался для них родным домом...

Откинувшись на сиденье, Маша прикрыла глаза. В висках у нее стучало. Все тело дико ныло.

– Почему вы столько времени избегали меня? Не проходило дня, чтобы, проснувшись утром, я не мечтал вас увидеть, а вы даже отказывались заговорить со мной...

Полковник произносил эти слова, не отрывая взгляда от дороги и не меняя интонации.

Маша приподняла веки и увидела его изумительные руки, которые мягко сжимали руль. О прикосновении таких рук, надо думать, должна мечтать любая девушка, даже не вдаваясь в то, кому они принадлежат.

– Простите, – сказала Маша, нетерпеливо передергивая плечами. – Наверное, я вас не видела. Я очень близорука.

Внезапно повернувшись, он пристально взглянул прямо ей в глаза. Она же невольно отвела взгляд и стала смотреть в окно.

– Я несколько раз заговаривал с вами, но вы предпочитали тут же упорхнуть. Я даже не успевал закончить фразу, – продолжал он с улыбкой.

– Ну не знаю, – вздохнула Маша. – Наверное, я просто вас не слышала...

– Так значит, вы не только близорукая, но еще и тугоухая? – заметил полковник с таким серьезным видом, что Маша, не удержавшись, прыснула от смеха.

– Вы не слишком учтивы с дамой, полковник Волк, вам не кажется? Я же извинилась. Давайте будем считать, что мы познакомились только сегодня и начнем все сначала.

Он взял ее за руку.

– Идет, – сказал он. – Только я бы предпочел помнить все, что связано с вами... Даже вчерашнее.

Маша снова прикрыла глаза, чтобы перетерпеть приступ боли, которая переполнила душу при одном воспоминании о случившемся. И, тем не менее, он был совершенно прав.

Остаток пути они молчали. Автомобиль миновал еще один КПП у железных ворот гостиницы и свернул за бетонный забор.

– Я провожу вас в номер. Не хочется оставлять вас одну, – заявил полковник Волк.

– Не нужно. Я чувствую себя совершенно нормально, честное слово...

– Все равно. Я должен быть уверен, что вы благополучно добрались до номера и что у вас есть все необходимое.

Он слегка дотронулся до ее локтя.

– Это что же, новый приказ министра – приставить ко мне охрану? – неловко пошутила Маша.

– Причем не ниже полковника.

– Военные решили заботиться о безопасности журналистов?

Едва сдержалась, чтобы не добавить: «в постели».

– Да уж как хотите, – невозмутимо ответил он.

Почему это в его присутствии Машу так и подмывает задираться и шалить? Неужели изза разницы в возрасте?

Когда они вошли в фойе, Машу окликнула Татьяна.

– Подожди, тебе письмо из Москвы!

Татьяна плавной горделивой походкой вышла изза стойки администратора и, слегка нахмурившись, протянула конверт.

– Спасибо, – кивнула Маша и поцеловала подругу, лицо которой тут же расцвело счастливой улыбкой.

Татьяна обняла Машу и, не глядя на полковника, проговорила:

– Он преследует тебя?

– А как потвоему?

– Дело не в моем мнении. Ты и сама видишь, что он тебя преследует. Ну ничего, не беспокойся, я сегодня на дежурстве и буду рядом.

– Не о чем беспокоиться. Все будет в порядке.

– Я и не сомневаюсь, – кивнула Татьяна, строго взглянув на полковника.

– Не о чем беспокоиться, – повторила Маша и, распечатав конверт, пробежала глазами письмо. – Это из дома, – проговорила она немного погодя. – Mamочка интересуется, приеду ли я домой на свой день рождения.

– Приедешь? – спросила Татьяна.

– Надеюсь, что нет. Надеюсь, удастся избежать этой радости, – ответила Маша.

У нее не было никакого желания праздновать день рождения. Особенно, в семейном кругу.

VI

Ох уж эти ей праздники детства! Когда ей исполнилось десять лет, отец погладил ее по голове и торжественновнушительно произнес:

– Теперь ты взрослая девочка, Маша!

С утра родители подарили ей очередную «познавательноразвивающую» книгу, поскольку считалось, что книга лучший подарок, а старшая сестра Катя от всего сердца подарила ей свою старую куклу. Зато бабушка и дедушка преподнесли большую овальную коробку замечательных шоколадных конфет, обернутых в разноцветную фольгу.

К тому времени, кстати сказать, в живых оставалась одна бабушка (мамина мама, – ее муж, вторично осужденный перед самой смертью Сталина, был расстрелян, не дотянув всего несколько месяцев до очередной реабилитации) и один дедушка (папин отец, – его жена умерла от рака еще до рождения Маши). Старики мирно проживали вместе с детьми и относились друг к другу почтительно и церемонно. У каждого из них обнаружилось свое хобби, и они не испытывали ни малейшего желания вмешиваться в жизнь молодежи. Дедушка, шахматист-любитель, вставив в рот вставные челюсти, с утра до вечера просиживал в аллеях на Патриарших, рьяно отстаивая звание местного чемпиона, а бабушка, обернув плечи ветхой лисой, ходила по музеям и экспозициям, иногда выстаивая километровые очереди за право полюбоваться фамильными сокровищами, которые в свое время были реквизированы проклятыми большевиками.

Конфеты, подаренные дедушкой и бабушкой, были так хороши, так изумительно смотрелись в своих пластиковых ячеечках, что Маша даже боялась к ним прикоснуться, чтобы не дай бог не нарушить эту совершенную красоту. В течение всего дня она доставала из своего ящика коробку с конфетами, забиралась в уголок и, благоговейно приоткрыв крышку, любовалась ими, словно произведениями ювелирного искусства. Катя осторожно заглядывала через плечо и, целиком разделяя благоговейный трепет сестры, даже не просила попробовать.

Вечером был накрыт праздничный стол, на котором, как всегда стараниями мамы, красовалось изобилие русскоеврейской кухни. После холодных закусок и горячего наступил черед сладкого. Маша и Катя радостно захохотали, когда на столе появился домашний торт, рассыпчатые пирожные с кремом и орехи, политые жженым сахаром. Вдруг папа сказал:

– А где же твои конфеты, Маша?

– Ну папа... – смущенно сказала Маша, опустив глаза.

– Что – ну папа? – поинтересовался он, повышая голос.

– Это же мой подарок...

– Ты должна всех угостить. Ты теперь взрослая девочка и должна понимать, что такое приличия.

Маша стала медленно подниматься изза стола.

– На столе и так достаточно сладкого, – неуверенно вставила бабушка.

– Конечно, – поддержал дедушка.

Маша начала медленно садиться.

– Отец прав, – заявила мама. – Ты должна всех угостить.

– Неси, неси, – сказал папа.

Маша принесла коробку и со вздохом положила на стол.

– Открывай, – сказала мама. – И предложи всем.

Маша открыла.

– Она именинница, – сказал папа, – пусть возьмет первая.

– Я не хочу, – прошептала Маша.

– Нет, хочешь, – сказала мама. – Бери. Вот и Кате тоже хочется попробовать. Угости Катю.

– Я тоже не хочу, – покачала головой Катя, с сочувствием глядя на сестру.

– Возьми, – строго сказал отец, и Катя была вынуждена послушаться.

Перехватив полный отчаяния взгляд Маши, он тут же добавил, обращаясь к Кате, которая медленно жевала конфету:

– Возьми еще одну.

– Я не хочу.

– Нет, хочешь! – сквозь зубы процедила мама.

Катя была вынуждена запихнуть в рот еще конфету, после чего все тоже взяли по одной.

Родители удовлетворенно закивали головами и, как ни в чем не бывало, переключили внимание на торт. Они изо всех сил старались возобновить непринужденную трапезу, прерванную этим педагогическим инцидентом. Бабушка и дедушка тоже проявили активность, неловко пытаясь поддержать разговор. Только Катя напряженно молчала и хлопала глазами. Вдруг она вскочила изза стола и, взхлеб зарыдав, бросилась вон из комнаты. Мать поспешила следом.

– Зачем вы это сделали? – всхлипывала Катя в соседней комнате. – Зачем вы обижаете ее?

За столом воцарилось долгое молчание. Наконец Катя вернулась за стол, и Маша ей благодарно улыбнулась. И всетаки, несмотря на все пережитые страдания, Маше почемуто казалось, что это именно она сама, Маша, повинна в том, что праздничный ужин оказался испорчен. Такой вот комплекс неполноценности.

...

Полковник Волк стоял на маленьком балкончике и оглядывал с высоты второго этажа панораму. Собственно, панорама была совершенно перекрыта глухими бетонными стенами какихто хозяйственных построек, – что, в данном случае, являлось фактом чрезвычайно отрядным – значит, окно Машиного номера недоступно для неугомных снайперов.

Подобрав под себя ноги, Маша сидела на кровати и смотрела на полковника. Она сразу оценила то, как умно и деликатно он умеет вести беседу, – расспрашивать о жизни, о том о сем, и отцеживать необходимую для себя информацию. Таким, в ее представлении, и должен был быть идеальный офицер службы безопасности или армейской разведки, – которым, вне всякого сомнения, полковник и был. У него замечательно получались бы интервью. В нем пропадает недюжинный талант журналиста. Впрочем, почему пропадает? Надо думать, он блестяще ведет допросы плененных боевиков. В этом деле он и шлифует свое искусство собеседника. Недаром дослужился до полковника...

– У меня сложилось впечатление, – говорил он, и его ладонь, словно чуткий локатор, совершала плавное круговое движение в пространстве, – что в вас странным образом сочетаются чувство юмора и пессимизм. Так мне кажется. С чего бы это, а?

Маша не спешила с ответом, предпочитая уклониться от такой заповедной темы, как собственная душа. Как бы объяснить ему попонятнее, что она отнюдь не возражает против того, чтобы он занялся исследованием ее плоти, – лишь бы в душу не лез. Однако подходящие слова чтото никак не находились, хотя, в данном случае, пожалуй, сгодились бы и самые развязные. В общем, удовлетворительная формулировка так и не пришла на ум, не смотря на то, что было самое время перейти к непосредственно интимной фазе общения.

– Как бы вам это объяснить, – сказала она, – скорее всего, я самый обыкновенный человек, а потому радуюсь или огорчаюсь в зависимости от обстоятельств. Неужто у меня на лице написан такой пессимизм? Я такая бука? – вырвалось у нее, и она тут же пожалела о сказанном – слишком глупо это звучало.

– Да нет, не то чтобы... Я наблюдал за вами несколько недель, мне хотелось узнать вас получше, но вы неуловимы, как опытный полевой командир... Впрочем, я часто видел, как вы смеялись и шутили, разговаривая с другими. С коллегамижурналистами, с военными... Почему же вы так упорно избегали меня?

В этот момент Маша снова не выдержала и отвела глаза. Этот волчище отличался обволаживающей настырностью. Слава богу, она сразу это поняла и смогла принять ответные меры.

Маша переменяла позу и, подтянув ноги к груди, устроила подбородок на коленях.

– Прошу вас, полковник Волк, – отрывисто проговорила она, – расскажите мне о себе.

Будучи весьма умен, он отнюдь не стал ей перечить, зная по опыту приобретенному на допросах, что немного информации о себе самом позволяет собеседнику расслабиться и в результате развязывает язык.

– До распада Союза, – гладко начал он, – мне довелось служить по всей стране. Были и заграничные командировки. Я очень гордился своей страной. Несмотря ни на что, я восхищался ее мощью и славой. Может быть, потому что и сам чувствовал свою силу. Ведь я своими глазами видел, на что мы способны, какими горами двигали. Я родился и рос на Украине, а учился и служил в России, и, кажется, успел совершенно обрусеть. Пожалуй, я считаю себя самым настоящим русским.

– А как же ридна Украина? Это что же получается, запродались москалям? – улыбнулась Маша.

– Знаете, кроме шуток, я ведь очень хорошо понимаю подобные настроения. Когда я бываю на родине, в нашем маленьком городке неподалеку от Белой Церкви и смотрю на людей, которых знаю с детства и которые за всю жизнь не выезжали дальше областного центра, то могу понять, почему они считают себя независимым государством. С равным основанием они могут считать себя независимыми не только от России, но и от Китая с Гренландией. Они зависят только от кумаучасткового и предисполкома, который теперь и у них прозывается мэром.

– Но сейчас столько народа ездит в Россию торговать...

– Торговать! – усмехнулся полковник. – Для них это что-то вроде сказочных путешествий Синдбада за сокровищами – так же опасно, сумбурно и непредсказуемо.

– А потом, – подхватила Маша, – они возвращаются в свой тишайший городок и за чаркой горилки вспоминают о тысячеглавых драконах, которыми им представлялись толпы на рынках, и об ужасных железных чудовищах – милицейских «воронках», из которых выскакивают злы-епрезлые яйцеголовые существа с резиновыми палицами...

– А еще о беспощадных таможенных разбойниках, от которых все труднее откупиться...

– Тут уж одним салом не отделаешься.

– Так оно и есть, – кивнул полковник. – Приблизительно такие у них остаются впечатления от походов к чужестранцам.

– А вы, значит, совершенно переродились?

– Почему же совершенно?.. Какаято часть моей души навсегда осталась украинской. На этом языке говорю во сне, я люблю песни, которые с детства слышал от родителей...

– А вы всегда мечтали быть военным? – вдруг спросила Маша.

– Нет, – ответил он, пожимая плечами. – Вообще, я хотел стать врачом... Но потом...

– Что потом? – тут же поинтересовалась Маша.

– Вы спрашиваете таким тоном, как будто берете у меня интервью.

– Боже упаси, – воскликнула Маша. – Ничего подобного. Просто мне показалось удивительным, как это юноша, который мечтал о том, чтобы лечить других людей, вдруг решил овладеть искусством убивать.

Она заметила, что он вздрогнул, словно от боли.

– Знаете, очень просто, – вздохнул он. – Я не поступил в медицинский институт и пошел в армию, а потом...

Тут умолк, словно задумавшись о прошлом.

– Кажется, я догадываюсь, что было потом, – сказала Маша. – Наверное, вы попали служить в какую-нибудь горячую точку и там на ваших глазах погиб ваш любимый товарищ или

старший командир, которого вы глубоко уважали, и вы дали клятву продолжать его дело. Нечто героическое и романтическое.

– Ничего подобного. Совсем даже наоборот.

– Как это?

– Никто не погибал и никакой клятвы я не давал.

– Неужели? – иронично отозвалась она, как будто пытаясь таким образом высвободиться изпод власти его обаяния, которое вдруг на себе ощутила.

– Два года срочной службы, – продолжал он, не обращая внимания на ее задиристые попытки, словно понимая, что ею движет, – два года мне пришлось провести за колючей проволокой одной и той же воинской части, Это была такая глухая дыра, что вы себе даже представить не можете. Кроме строевых занятий, ленинской комнаты и кухни, там было кино по воскресеньям, пьянство и драки.

– Вы меня разыгрываете, – недоверчиво проговорила она.

– Честное слово. Единственное, что меня поддерживало, это то, что все это время, я занимался, продолжая готовиться к поступлению в медицинский институт.

– Вместо кино, пьянства и драк?

– Отчего же? Параллельно.

Маша не нашлась, что сказать. Только покачала головой.

– И до того там было тошно, – продолжал он, – что когда всего за две недели до дембеля в соответствии с какойто разнарядкой вдруг стали агитировать за продолжение службы и льготное поступление в высшее военное училище, я не раздумывая согласился. Чтобы вырваться оттуда, хотя бы на час раньше, я бы согласился, наверное, и к черту в пекло.

«На что вы и подписались», – подумала она, но промолчала.

– Что, собственно говоря, я и сделал, – улыбнулся он, еще раз прочитав ее мысли.

– А как же мечта стать врачом?

– Я же говорю, что все очень просто. Видимо, все дело в контрасте того, что я наблюдал два года в воинской части, и того, что я увидел в училище. Я увидел настоящую армию и был так потрясен, что думать забыл о чемлибо другом.

Маша была глубоко тронута его рассказом, хотя в нем не было абсолютно ничего романтического. Она была поражена той необычайной искренностью и доверчивостью, с которыми он вдруг рванулся к ней. К тому же он затронул потаенные струны ее души. Это точно. Уж что-то, а кошмар заточения и безболезненная, но ужасающая пытка несвободой были ей хорошо знакомы. Знала она и что такое контраст.

Все это было в ней задолго до того, как она впервые заметила его и стала избегать.

В этот миг Маша испытывала нечто гораздо большее, чем просто влечение. Она едва сдержалась, чтобы не броситься к нему на шею. Ей хотелось ласкать, ублажать его губами, языком, всей своей плотью – показать ему, как она его понимает, как рада близости их душ... Однако, как было сказано, броситься на шею она, конечно, не решилась. Она вовсе не собиралась начинать войну с самой собой. Слишком дорого было для нее хрупкое перемирие между собственными сердцем и головой. Она не желала снова превращаться в придаток чужой души.

– Значит, вы не жалеете о том, что так и не стали врачом, – сказала она.

– Теперь мне даже удивительно, что я мог стать кемто еще, а не военным.

– Я вас понимаю...

Он ничего не ответил, только пытливо взглянул ей в глаза.

– И вот вы – полковник... – медленно проговорила Маша, после долгой паузы. – Что же, в наше время жизнь военного вещь, так сказать, обоюдоострая. Нищета и заброшенность в целом, но зато возможность сделать блестящую карьеру в условиях войны. Никогда не останешься без работы. Дело, конечно, небезопасное, но не более, чем, например, бизнес и коммерция.

– Или журналистика, – спокойно добавил полковник.

И снова Маша была вынуждена согласиться.

– Зато, – упрямо продолжала она, – bravому полководцу никогда не поздно переквалифицироваться в политика или того же коммерсанта.

– А бойкому журналисту разве нет? – искренне удивился полковник, и Маша была вынуждена убрать коготки и переменить тему.

– Служба, наверное, поглощает все ваше время, да? – осторожно поинтересовалась она. – Я хочу сказать, что его не хватает для... – И запнулась.

«Для семьи. Вообще, для личной жизни, – хотела сказать она. – А может быть, это не причина, а следствие, – промелькнуло у нее в голове. – Может быть, именно поэтому он здесь?..»

Он решительно качнул головой, давая понять, что разговор о его персоне закончен.

– Ну а теперь поговорим о вас, – предложил он. – Расскажите мне немного о себе. То, что вы молоды, красивы и уже успели блеснуть на телевидении, это на поверхности. Но что поглубже?

Маша насторожилась. Как соблазнительно – просто взять и выложить о себе все—все—все. Излить душу этому незнакомому офицеру, случайному встречному, с которым, уехав в Москву, она, скорее всего, больше никогда не увидится.

Однако инстинкт подсказывал, что если уж она порешила отдать ему свое тело, то душу желательно приберечь для себя.

– Ну вас, я вижу, армия тоже держит в прекрасной форме, – сказала она, отделяваясь ответным комплиментом. – Вы подтянуты, энергичны...

Он заметно смутился.

– Я регулярно делаю зарядку. Не пренебрегаю этим даже в полевых условиях...

Он тоже решил отшучиваться, подыгрывая Маше.

– Ну а вам, наверное, особенно приходится поддерживать себя в форме? – спросил он.

На самом деле, его ничуть не интересовало, следит ли она за своей формой, фигурой, тоном и прочим. Куда любопытнее было бы узнать, скажем, почему в ее возрасте она до сих пор не обзавелась ребенком.

А обстоятельства были таковы, что прошло вот уже три года с тех пор, как Маша произвела ребенка, который оказался задушен пуповиной, обвинившейся у него вокруг шеи. И до сих пор Маша не могла об этом говорить... Как объяснить, что с самого начала все происходящее с ней было одним ужасным недоразумением. Она оказалась в ловушке с того момента, как ее пронзила Эдикова сперма.

– Я разошлась с мужем. С тех пор не встречала мужчину, от которого бы мне захотелось иметь ребенка.

Такова была самая простая интерпретация.

– А когда были замужем, разве вам не хотелось иметь его от мужа?

– Нет, никогда. С первого дня я знала, что наш брак это ошибка, – ответила Маша и немедленно задала встречный вопрос:

– А у вас есть дети?

– Нет.

Но она не успела перехватить инициативу, поскольку он тут же поинтересовался:

– А с родителями вы, похоже, не часто видитесь?

– Насколько это возможно, – с усмешкой ответила она. – Не могу сказать, что у меня было счастливое детство. Вот я и стараюсь держаться от них подальше... Но у меня есть сестра, и, как только я возвращаюсь из поездки, мы обязательно встречаемся.

– Простите, если напомнил о неприятном, – извинился полковник и, достав из нагрудного кармана маленькую черную трубку, быстро набил ее табаком и закурил. То, с каким изы-

ществом он это проделал, восхитило Машу. – Но я вижу, – продолжал он, – что, несмотря на все неприятности, вы стараетесь не терять чувства юмора.

Она не могла не заметить, сколько нежности было в этот момент в его взгляде.

– А я помню, когда впервые вас увидела, – вдруг призналась она.

Он удивленно вскинул брови.

– Неужели? И вы так долго... – Он умолк и вздохнул.

– Это случилось через месяц после начала конфликта. Мы пытались снять материал в зоне боевых действий.

– Ваша группа пыталась взять интервью у командующего армией или у начальника штаба, – подхватил полковник, качая головой.

– Но нам так и не дали, – напомнила Маша.

– А вот если бы вы тогда удостоили меня своим вниманием, то я, может быть, вам в этом помог.

– В следующий раз я обязательно это учту.

Она почти смирилась со своей зависимостью от него и уже потеряла контроль над происходящим. В данной стадии возбуждения благоразумие есть нечто противоестественное.

– В тот первый день, когда я вас увидел в Минеральных Водах, вы вся были сплошная целеустремленность, – вкрадчиво продолжал Волк. – Люди смотрели на вас с изумлением. Журналист на войне, среди военных, – само по себе сенсация. В этом было что-то вопиюще несуразное.

– Я и сама чувствовала себя не в своей тарелке. Я даже засомневалась, а не зря ли я вообще сюда приехала. Хотя поначалу всегда так бывает.

Маша взглянула на него и увидела, что он сделался чрезвычайно серьезен.

– Вы были такая энергичная, решительная, а мне хотелось как-то защитить, оберечь вас... – Он помолчал. – Наверное, я говорю глупости, да? Я смешон?

Маша поспешно кивнула, однако про себя подумала совершенно обратное. Она и не предполагала, что в ней дремлет такая откровенная самка.

Между тем полковник протянул ей руку, приглашая подойти к распахнутой балконной двери.

– Солнце садится, – сказал он.

Маша решила подняться, хотя ощущала ужасную усталость и не была уверена, что в состоянии сделать эти несколько шагов до балкона. Пока она собиралась с силами, полковник вдруг сказал:

– Если ты встанешь, я тебя поцелую. А если я тебя поцелую, то мы займемся любовью. А если это случится, я не позволю тебе уехать в Москву...

Маша лихорадочно просчитывала в уме варианты. Как бы там ни было и что бы она ни говорила, день рождения она все-таки намеревалась провести в кругу семьи. Приближение собственного двадцатипятилетия, как это не удивительно, возбуждало в ней священный трепет и ни на чем не основанное благоговение. Видимо, даже трафаретный, сусальный образ дня рождения оказывал подсознательное воздействие, и, душевно размягчаясь, Маша не могла противиться его обманному очарованию. Уже не такой глупой и фальшивой казалась ей душещипательная традиция, когда вдруг обнаруживается эта странная потребность снова почувствовать себя маленькой девочкой и со слезами умиления обняться со своими близкими, собравшись, чтобы обменяться признаниями взаимной любви и трогательными воспоминаниями о давно минувших днях... Очередная командировка на Кавказ подходила к концу, нужно было лететь в Москву, а стало быть, не оставалось ничего другого, как порадовать родителей своим появлением.

Однако окончательного решения Маша еще не приняла. Напротив, в ее воображении уже сложился текст телеграммы, которую она могла бы отстучать родственникам:

МАМОЧКА ПАПОЧКА ТЧК ТАК ХОТЕЛОСЬ БЫТЬ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ С ВАМИ И КАТЕЙ ТЧК СОЖАЛЕНИЮ НЕКИЙ ПОЛКОВНИК ВОЛК СТРОГИЙ ОФИЦЕР НЕ ТО ФСБ НЕ ТО КОНТРАРАЗВЕДКА НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК ЗАПРЕТИЛ МНЕ ПОКИДАТЬ КАВКАЗ ТЧК ВЫЛЕЧУ НЕМЕДЛЕННО ПОСЛЕ ОСМОТРА МЕСТНЫХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ ТЧК ЦЕЛУЮ ВАША ЛЮБЯЩАЯ ДОЧЬ

Тут полковник и впрямь поцеловал Машу. Потом еще раз. Потом уложил на кровать. Что, собственно, и требовалось доказать.

– Я хочу тебя, – шепнул он так тихо, словно это была военная тайна. – Я захотел тебя в тот самый миг, как впервые увидел...

Энергичным движением руки он смахнул с кровати подушки. Узкая гостиничная коечка и без того слишком мала. Единственное освещение в комнате – рьянокрасный кавказский закат. Маша вспоминала, каким она видела полковника, встречая его в Минеральных Водах, Моздоке и Грозном. Вспоминала, каким он был сегодня на военном аэродроме. Это похоже на сон. Она знала, откуда это: волк, несущий царевну через дремучие леса.

Он крепко обнимал ее. Они лежали на узкой кровати, и он прижимался к ней всем телом.

– Похоже, за последние недели я немного растолстела, – смущенно сказала Маша. – Наверное, это нервы. Женщины, когда нервничают, толстеют...

Ей казалось, что нужно что-то говорить. Но он ничего не ответил. Только крепче прижал ее к себе, как бы пытаясь унять ее дрожь. Между тем она чувствовала, что у нее началась настоящая любовная лихорадка. Словно предчувствуя эту изумительную напасть, Маша и старалась избегать его все это время. Она знала, что нечто подобное со ней непременно приключится, и этого уже нельзя будет ни скрыть, ни превозмочь.

– Тогда в Минеральных Водах я сразу влюбился в тебя, – прошептал он.

Все любовные признания на свете абсолютно идентичны.

Она коснулась кончиками пальцев его губ, его лица. Он был небрит, но, в данном случае, это можно было рассматривать как свидетельство в его пользу. Щетина указывала на совершенную непреднамеренность его действий. По крайней мере, он не только заранее не праздновал победу в ее постели, но даже не предполагал оказаться в ней. Во всяком случае, сегодня...

Он убрал ее руку со своих губ, чтобы снова и снова целовать ее.

– Можно мне... – спросил он.

Господи боже милостивый, он еще спрашивает ее разрешения!

– Волк, пожалуйста... – прошептала она.

Интересно, что сказала бы на все это Рита, если бы Маша рассказала ей о том, как один мужчина влюбился в нее с первого взгляда прямо посреди кавказской войны под лязг гусениц и грохот пулеметов. Наверное, просто не поверила бы. Правду сказать, Маша и сама не понимала, почему так легко отдается судьбе.

Сначала волк исследовал языком каждую пядь ее тела. Маша даже не сопротивлялась. Попав в его объятия, она закрыла глаза, закусил губу и застонала. Всякое бывало в постели. Случалось, ею откровенно пользовались, случалось, она. Но никогда и никто еще ею не обладал. Никогда этого не было... до настоящего момента. Иначе она не могла этого сформулировать. Десять тонн клубники. Дас ист фантастишь! Умри Денис, лучше не напишешь. Эстетствующая часть ее души могла морщиться от презрения, – но, в конце концов, разве не о том мечтает женщина – домохозяйка, писательница—феминистка, тележурналистка? Прочь комплексы! Мы свободны, подруги!

Он оторвался от нее только для того, чтобы прикрыть балкон: вечерняя тишина снаружи слишком нескромна и мешает обоим. Потом он опустил перед ней на колени, и все началось вновь – до тех пор, пока у нее не помутился рассудок и не ушли все мысли. Но на этот раз он

уже знал, как именно нужно ее ласкать и целовать. Но он трогательно ловил ее взгляд, словно желал удостовериться, что всецело ею обладает. Да Господи Боже ты мой – и не сомневайся!

Волк был превосходен еще до того, как вошел в Машу. А уж когда вошел... Это был самый совершенный и изощренный любовник, какого она только знала в жизни. Такого она, наивная, искала с тех пор, как познала близость с женщиной, ей—Богу.

Маша была настолько поражена происходящим, что ее глаза сами по себе широко раскрылись и с любопытством воззрились на мужчину, которой оказался в ней еще до того, как был приведен в действие соответствующий анатомический орган. Славная штука жизнь. Когда же она спохватилась и закрыла глаза, он взял ее голову в свои нежные и сильные руки и прошептал:

– Не закрывай глаза! Посмотри, как я люблю тебя!

И тут началось самое настоящее падение, стремительный полет с небывалой высоты. Вздрогнув, Маша осознала, что этот полет может закончиться лишь одним – жестокой болью и страданием. Как это похоже на нее – заранее задавать себе неприятные вопросы и предполагать худшее. А ведь не девочка. Разве за все эти годы у Маши не прибавилось оптимизма? Разве она не научилась завивать горе веревочкой и не думать о том, что будет после...

Изумительное ощущение полета продолжалось. Она была опьянена надеждой, что это вообще никогда не кончится... Ведь если это чувство исчезнет, его место займет боль. Вернется воспоминание о смерти Ромы... Однако было бы еще хуже, если бы секс, как средство самоутешения, сделался для Маши необходимым – наподобие наркотика. Это была бы при- скорбная зависимость.

– Пожалуйста, подожди! Я больше не могу! – закричала она, забыв о тонких гостиничных стенах и вообще обо всем на свете.

– Я люблю тебя, – повторил он, касаясь губами ее пылающих щек.

Все закончилось, как то и положено, но они не размыкали объятий. Она гладила Волка по голове, а сама размышляла, стоит ли задавать ему тот один простой и фатальный вопрос, который вот уже несколько часов вертелся у нее на языке. Она не решалась спросить об этом, потому что предчувствовала, какой последует ответ. Ведь и сам Волк избегал касаться этой темы.

Неожиданно Маша ощутила приступ раздражения. Это что же получается, подружки? Ей заранее отведено определенное место и выделена соответствующая доля удовольствий? Ну уж нет, она должна была чувствовать, что жизнь продолжается! Пусть и он почувствует.

– Ты женат, Волк? – довольно резко спросила она.

– Мне и самому трудно ответить на этот вопрос, – проговорил он после паузы, которая уже сама по себе была весьма красноречива.

Неужто она и в самом деле задала такой сложный вопрос, для которого нужно привлечь глубинную философию и высшую математику? Неужто нужны еще какие-то слова, кроме простейших «да» или «нет»?.. Впрочем, чего уж там – что было не воротишь, – они уже успели переспать, – что теперь толковать об изящных материях?.. А она, голова садовая, уже успела размышлять о том, что ей придется праздновать свой день рождения на Кавказе, а не в кругу семьи. Как объяснить ему, этому волку злому, что от стыда и злости она, бедная Маша, поверившая всему, что он ей тут наплел о своей любви, готова сквозь землю провалиться! Это даже не глупо, а просто очень глупо с ее стороны купиться на его уверения. И тем не менее, она, идиотка, купилась... Она поверила и тому, что он говорил на балконе – что оставит Машу в бессрочном плену на Кавказе и от опостылевшего прошлого ее будет отделять целая вечность... Нет, не понять этого ему – гордому и сильному волку, отчаянному полковнику и героическому воину, для которого армия – родная семья. Все они здесь на Кавказе, словно братья по крови, – за исключением, конечно, чеченских братьев по разуму... Но что особенно ей

показалось гнусным, так это то, что она умудрилась в него влюбиться, когда он вместе со своей армией ровнял с землей города...

– Я женат, – продолжал он, – но все эти годы наш брак был чистой формальностью.

Просто как палец. Другого Маша и не ожидала услышать.

– Что же ты не развелся? – поинтересовалась она также исключительно по формальным соображениям.

– Я боялся, что если брошу Оксану, она этого не перенесет. Она такая ранимая...

Значит, Оксана... Какой он всетаки чуткий этот полковник Волк! Жена у него, видите ли, ранимое создание, а ему захотелось оберегать и защищать Машу! Все такие славные, одна она, Маша, змея и разлучница.

Несмотря на то, что он не стал вдаваться в подробности, Маша мгновенно оценила ситуацию. Чего уж тут не понять! Трогательная история о ранимой украинской девушке Оксане и благородном Волке в погонах. Оксана, конечно, создание ранимое, однако вполне довольна двойной жизнью своего благоверного. Другое дело, если ее супругу самому придется варить для себя борщ или лепить вареники. Вот тогда ранимая Оксана впадет в уныние. Не говоря уж о том, если она узнает, что этим занимается другая женщина, которая, вдобавок, святотатственно стирает его носки и вероломно гладит его рубашки... Но нет, благородный Волк никогда не позволит себе подобной жестокости и не просите!

Маша закрыла глаза, чувствуя, как ее щеки начинают гневно пылать.

И ведь это, пожалуй, еще не все. Есть и другие немаловажные обстоятельства, а именно – упомянутая ранимая Оксана, судя по всему, вынуждает его искать выхода бурному темпераменту в постели другой женщины, – по крайней мере, она не возражает против этого, – а он, между прочим, только что успешно разрядился. Такая вот незамысловатая психологическая схема.

– Но теперь все стало иначе, – продолжал Волк, словно отвечая на безмолвные упреки в свой адрес. – С твоим появлением я стал другим...

Удивительные вещи происходят на белом свете, полковник Волк. Неужели достаточно было один только раз переспать с Машей Семеновой, чтобы так вот взять и переоценить все ценности?.. По неволе начнешь собой восхищаться.

Маша взглянула на часы, лежащие на тумбочке у кровати, и обнаружила, что ночь не только давно миновала, но что уже почти девять часов утра. Волк лежал на боку, положив щеку на согнутую в локте руку, и смотрел на Машу влюбленными глазами. С отрядным чувством она отметила про себя, что он, слава тебе господи, не обнаруживает суетливой поспешности, не лезет под кровать в поисках мифических сапог и портянок, – разве не таким должен был оказаться грустный и отрезвляющий финал их безумной страсти? Но нет, полковник, похоже, вообще никуда не собирается уходить. Если кто в данной ситуации и засуетился, так это она сама.

– Волк, – сказала Маша, – мне нужно собраться. У меня запись беседы в штабе армии.

– Я в курсе, – кивнул он, попрежнему не двигаясь с места. – Я подвезу тебя, а вечером заберу. Мы вместе вернемся назад, и я смогу всю ночь провести с тобой.

А как все-таки насчет ранимой Оксаны? Той самой, которая не переживет, если он ее бросит. Где, кстати, она находится, эта трепетная боевая подруга? Где-то поблизости, или в более безопасном месте, чем ее наивная и отважная дублерша? До ее местонахождения Маше, конечно, не было никакого дела, поскольку продление счастья хотя бы на несколько часов – вещь слишком ценная, чтобы ею пренебрегать.

Маша в задумчивости стояла под холодным душем, – это еще большая удача – что вода вообще была, – когда в двери показался Волк и притулился к косяку.

– Расскажи мне о своем замужестве, – попросил он. – Почему ты развелась?

- Как я за пять минут расскажу о том, что тянулось почти два года.
- Но я куда не тороплюсь, – кротко заметил он.
- Зато я тороплюсь, – проворчала Маша.

Теперь они оказались по разные стороны баррикад. Всем своим видом Маша решила продемонстрировать, как безоговорочно она осуждает всякого рода промискуитет, полигамию и сексуальный экстремизм, – что выглядело довольно непоследовательным с ее стороны, учитывая события минувшей ночи, которые показали, что она отнюдь не отвергает любовных связей с женатым мужчиной и, тем более, безоговорочно. Как бы там ни было, выдавать противнику информацию о своей личной жизни не входило в ее намерения. Не говоря уж о том, что в момент омовения под душем, словно некоего символического очищения, Маша вдруг ощутила природную солидарность с далекой и близкой незнакомкой Оксаной и даже подобие собственной вины по причине того, что так или иначе продлевает агонию их супружеских отношений. Она решила, что ее, Машу, нельзя считать заурядной любовницей, – напротив, своим внебрачным вмешательством ей даже суждено в какомто смысле укрепить чужое супружество. Благодаря ей, полковник Волк получит, так сказать, заряд бодрости, который поможет ему с честью нести и дальше свое семейное бремя...

Так Маша размышляла о роли, которую отвел ей полковник. Она позволила ему проникнуть в заповедные уголки своего тела, а теперь он желает завладеть ее сердцем. Может быть, подарить ему кусочек?

– А с чего ты взял, что мы с тобой уже так близки, что я захочу тебе рассказать о своем замужестве и, вообще, о прошлом? Думаешь, ты имеешь право задавать мне любые вопросы?

Он даже слегка опешил.

– Что ты такое говоришь? Какое еще право?

Маша почувствовала, что напрасно изощряется в красноречии. Независимо от ее желания, Волк уже и так успел завладеть частью ее сердца.

– Пожалуйста, – попросил он, набрасывая ей на плечи вафельное полотенце, и нежно потер ладонью спину, – не отстраняйся от меня! Ты так неожиданно вошла в мою жизнь, что мне нужно какое-то время, чтобы отсечь прошлое.

Маша бросила на него быстрый взгляд. Кажется, он не понимает ее. Неужели он решил, что в ее реакции на его ответ – лишь неудовольствие или сомнение по поводу того, чтобы иметь в любовниках женатого мужчину? Впрочем, возможно, она чего-то недопонимает сама. Ей померещилось, что в его словах прозвучало желание, что именно она, Маша, должна изменить свою жизнь ради него. Но в томто и дело, что, по ее мнению, ни он, ни она не готовы к тому, чтобы что-то менять в своей жизни ради кого бы то ни было.

Полковник поцеловал Машу, и ее влажная щека прижалась к его щеке.

– Я люблю тебя! – Эту фразу он повторял, словно заклинание. Неужели слова для него что-то значили? – И я не собираюсь с тобой расставаться.

Он надел носки, влез в свои камуфляжные штаны и зашнуровал тяжелые армейские ботинки. Одевшись, уселся в кресло и молча наблюдал, как Маша управляет с косметикой.

После недолгого размышления она наложила на веки зеленые тени – самую малость, чтобы не напугать телезрителей, а затем, наклонив голову, принялась расчесывать волосы. Наконец, резким движением отбросив волосы назад, она взглянула на себя в зеркало и с удовлетворением отметила, что вид у нее что надо – слегка шальной и бравый. Кроме того, ее кожа излучала то особое счастливое сияние, которого не наблюдала уже бог знает сколько времени и к которому, кстати сказать, так чувствителен телеобъектив. Последнее, что она сделала, это извлекла из сумочки очки в модной оправе и бережно водрузила их на нос. Теперь она была в полной боевой готовности.

– Тебе приходится носить очки? – поинтересовался наблюдательный полковник.

– В них простые стекла, – объяснила Маша. – Мне посоветовали появляться в них на телеэкране. Якобы это работает на мой имидж. Я в очках выгляжу не то интеллектуалкой, не то дурочкой. Харизма, словом. Это цепляет... Может, они и правы.

– Так значит... – укоризненно покачал головой полковник, и она вспомнила, что именно близорукостью оправдывала перед ним свою невнимательность.

Он встал и порывисто обнял Машу.

– И зачем ты только притворялась? Мы могли бы уже столько времени быть вместе!

Маша обернулась, чтобы взглянуть ему прямо в глаза.

– Зачем?.. Зачем?.. – восклицала она, колотя своими кулачками в его железную грудь. – Да затем что все это время я еще могла быть свободной от гадкой и мучительной роли любовницы женатого мужчины! Вот зачем! – выпалила она.

– Даже не дав мне возможности... – вздохнул он.

– Ну ничего, ничего, – тихо проговорила Маша. – Теперь у тебя есть все возможности. Есть свобода действий. А вот у меня...

– Что? – снова вздохнул Волк, словно досаду на собственную непонятливость.

Когда Маша начала свой сегодняшний репортаж, находясь над той самой ложиной, где Рому Иванова разорвало пополам, она заметила неподалеку от телекамеры Волка. Упершись в бока крепко сжатыми кулаками, полковник внимательно следил за каждым ее движением. Между тем она уже решила про себя, что ни за что не будет произносить тех напыщенных гневно-пламенных слов, которые были заготовлены для нее начальством в качестве заупокойного комментария по поводу гибели звукооператора. В соответствии со сценарием ей полагалось скорчить на лице выражение оскорбленной журналистской невинности, которое, по мнению начальства, должно было способствовать возбуждению бури в кругах отечественной и зарубежной общественности. Между собой они называли подобные репортажи «ТАСС уполномочен заявить». Эдакая сухая и голая информация, горькая правдаматушка, скупые факты и цифры, за которыми телезритель должен был угадать большую человеческую трагедию. А главное, побольше металла в голосе и каменное лицо... Итак: нашего Рому разорвало гранатой. Вот они – бурые пятна на пыльных лопухах...

Вместо металла и камня, как, впрочем, и голой информации, объектив телекамеры уперся в распухшее от слез лицо Маши, которая вдохнула в себя побольше воздуха, чтобы начать репортаж, но говорить не смогла, а только молча смотрела перед собой и из ее глаз ручьем полились слезы.

К Маше подскочил режиссер, безуспешно пытавшийся ее успокоить.

– Девочка моя, – завздыхал он, – ты можешь просто прочитать текст по бумажке и этого будет достаточно. В крайнем случае, мы пустим это, как сообщение по телефону.

– Я тебе не девочка, – еще спокойнее и злее сказала она. – Я женщина. А вы все – пни бесчувственные. Можешь засунуть себе свою бумажку сам знаешь куда...

У режиссера отвисла челюсть. Такой он Маши никогда не видел.

– ...Я ни за что не буду читать по бумажке! – продолжала она.

– Бога рад, Маша! Пожалуйста! Если тебе от этого станет легче, – смиренно наклонив голову, сказал режиссер. – Но ведь нужно отработать этот сюжет, сама посуди...

Это было магическое слово: «отработать». Слыхали про собачек Павлова? Только слышат «отработать», так сразу отделяется желудочный сок. Это как: будь готов, всегда готов.

– Я готова! – вздохнула она.

Вокруг нее собрались все члены их немногочисленной съемочной бригады, а также официальные лица. Все искренне хотели сказать ей что-то нежное, умиротворяющее. Однако ей не требовалось никакого умиротворения. Но что бы ей ни говорили, она не станет изображать ни хрестоматийного чревовещания диктора Левитана, ни актуального пафоса своего «морганана»

тического супруга» Александра Невзорова. Как, впрочем, не собиралась она подражать вообще кому бы то ни было. Она, Маша Семенова, – счастливица, которая добывала свой трудный журналистский паек в проклятом кавказском пекле и лишь чудом не оказалась на месте своего звукооператора, должна была поведать об этом самом всем бедным и богатым своей несчастной родины...

Она всматривалась в лица окружавших, и ей казалось, что на них написано одно и то же: «слава богу, мы не оказались на его месте...» Что же говорить о телезрителях, которые либо трескают перед экранами телевизоров свою священную колбасу, либо горюют об ее отсутствии. Господи святой боже, кого Маша хочет взволновать?! Тех, кого нельзя взволновать, даже долбанув по ним из гранатомета?..

Нет, она неправа. Ох как неправа. Она несправедлива. Они действительно взволнованы, и ничуть не меньше.

– Маша, – сказал ей режиссер, – говори что хочешь, только не молчи. Мы обязаны сделать этот репортаж. У нас очень мало времени. Поэтому прошу тебя, прелесть моя и девочка моя, пожалуйста, возьми этот микрофон, поднеси его к своим драгоценным губкам и расскажи нашим прекрасным и душевным людям, что случилось с Ромой Ивановым. Все устали и хотят байбай. Кроме того, если ты будешь молчать и тянуть время, то у нас все шансы еще раз лицезреть, как граната разрывает человека на части. Ты, надеюсь, не забыла, что вокруг нас идет война! Эта говенная и позорная, великая и священная война!..

Окружающие не сходя с места наградили красноречивого режиссера небольшой овацией, поскольку понимали, как трудно выпалить такую длинную и прочувствованную тираду, даже не переводя дыхания. Было ясно, что он и сам мог бы успешно выступить перед телекамерой, однако не хотел лишить Машу ее куска хлеба, а главное, славы. Пожалуй, если бы Рома Иванов был бы сейчас с ними, то и он оценил бы благородство режиссера.

Словом, Маша кивнула и запись пошла.

– Добрый вечер, дорогие телезрители, папы и мамы, девочки и мальчики, – начала она будничным голосом, словно собиралась сообщить сводку погоды, хотя по ее щекам непрерывно текли слезы. – Меня зовут Маша Семенова. Я веду свой репортаж с гостеприимной кавказской земли, богатой традициями и природой. Сейчас здесь чудесный теплый вечер. Ласковый ветерок ласкает кожу. Пахнет свежееобугленным мясом и теплой кровью. Совсем недавно в этом земном раю разорвало пополам нашего коллегу, звукооператора, милого и доброго человека, которого мы все очень любили...

Когда запись закончилась, к Маше подошел Волк и, не говоря ни слова, набросил на ее вздрагивающие плечи свою плотную камуфляжную куртку и повел к машине.

– Теперь я понимаю, почему я тебя так люблю, – тихо сказал он.

Ах он милый!..

VII

– Ты чего добиваешься, Мария? – восклицала мама, обращаясь к Маше, которая лежала на кровати королевских размеров из дорогущего итальянского гарнитура.

Мама озабоченно качала головой. Тихо гудел кондиционер, нагнетая в голубую спальню апартаментов на Пятницкой практически чистый кислород. Было только начало десятого, а родительница уже ухитрилась нарядиться самым изрядным манером. Она явилась в безупречно белом льняном платье с цветастым шарфиком на плечах. Макияж без сучка и задоринки. Волосы собраны в шикарный пучок. Несмотря на дикую городскую жару, на ней даже были колготки. Машу всегда поражала ее готовность на любые жертвы, лишь бы выглядеть на все сто.

Мама элегантно присела на край кровати. Ее брови напряженно сдвинулись, она была близка к панике, глядя на безутешные рыдания дочери. Маша была уверена, что мать не так тронута ее слезами, как раздражена тем, что Эдику снова пришлось вызывать ее по телефону, словно «неотложку».

– Послушайте, мама дорогая, – сказал он ей, – не могли бы вы немедленно приехать и разобраться с вашей родной дочерью?

Особенно неприятным было то, что это уже вошло в систему, причем Эдику удавалось присвоить все права ущемленной стороны, и он с полным правом мог высказывать свое неудовольствие, называя Машу «ее дочерью». В такой ситуации просматривалась своеобразная психологическая преемственность. В свое время, как только Маша чемто не угодила маме, то автоматически переименовывалась в «дочь своего отца». Точно так же, как теперь из просто Маши, жены Эдика, она превращалась в «дочь своей матери», что звучало почти судебным определением.

Поскольку слезы из Машиных глаз продолжали катиться не переставая, мама подумала и решила сменить тон. Ее голос тут же наполнился «пониманием» со всеми возможными оттенками сочувствия. По ее лицу было видно, что она лихорадочно листает в уме уже подзабытого доброго доктора Спока, который, помнится, ради детей даже не гнушался объявлять пожизненную голодовку. Увы, мама не находила нужной страницы и нужного абзаца, где бы содержались рецепты по поводу того, как вызволить великовозрастное дитя, девочку не только взрослую, но и замужнюю, – как вызволить ее из пучины нравственного конфликта, когда она дошла до той точки безысходности, где самоубийство представляется не тягчайшим грехом против нашего православного бога, а блаженным освобождением от горчайшей земной юдоли.

– Я больше не хочу жить, мама. Я ненавижу жизнь!

Таким образом суицидные настроения дочери были налицо.

– Но у тебя прекрасная жизнь, Мария. Какого тебе рожна, дурочка? Чего ты добиваешься?

– Прекрасная жизнь, мама! О чем ты говоришь? Посмотри, я стала как бочка! Я вешу уже почти сто килограммов!

– Ну и что? – удивилась мама. – Почему ты должна отказывать себе в еде?..

– Да разве в этом дело?

– Посмотри, какая у тебя прелестная квартира! А вид, вид какой – прямо на золотые купола! Разве каждый может похвастаться таким видом?

– Мама, – заголосила Маша, – я хочу работать, а он мне не разрешает!

– Разве у вас проблемы с деньгами?

Мама ужаснулась, предположив, что у Эдика не клеится с бизнесом. Неужто она ошиблась и выдала дочку за никчемного человека? Неужто Эдик так плох, что даже влиятельный папаша махнул на него рукой?

– Нет, мама, не в этом дело, – бессильно выдохнула Маша. – Просто я хочу работать. Я не хочу быть пустым местом. Разве для этого ты устраивала меня в спецшколу, разве для этого я участвовала в олимпиадах? Ведь я мечтала учиться на факультете журналистики!

...

Мать расстроено взглянула на нее и покачала головой.

– Ты же бросила учебу, – удивленно напомнила она. – Ты же вышла замуж. Разве мало развлечений? Притом у тебя такой замечательный муж – Эдик Светлов!

В общем, было утро, и Маша лежала донельзя зареванная и с затекшими членами. Дрожащие пальцы с трудом держали хрустальный бокал с экологически чистым освежительным напитком.

Единственное, что она точно знала, это то, что жизнь пропала, что все безнадежно испорчено.

Кстати сказать, хрустальный стакан в ее руке (всего в сервизе их предполагалось двенадцать штук) явился решающим аргументом Эдика, когда обратился с упреками к теще. Дело в том, что в течение прошедшей ночи одиннадцать из них Маша расколотила во время очередного семейного разбирательства, поскольку испытывала острый недостаток в доводах словесных и, вообще, отчаяния. Подобные ежедневные разборки с Эдиком заканчивались одинаково – то есть ничем. Маша снова усаживалась перед телевизором. Ей даже лень стало пройтись по магазинам, чтобы присмотреть себе что-нибудь эдакое. Она объедалась жирным, соленым, сладким и острым. Вообще, жевала все, что попадалось под руку, заливая это ненормируемым количеством пива. Иногда среди дня усаживалась в уборной и впадала в состояние прострации. Ей казалось, что она уже агонизирует. Она давно отчаялась найти что-нибудь, что могло заполнить ее жизнь в промежутках между превратившимися в некий предшествующий безудержному чревоугодию ритуал – поездками с водителем-охранником в магазин – выбирать и закупать жратву. Эдик неукоснительно требовал от нее отчета в том, сколько и по какой цене было приобретено. Сам он возвращался домой к девяти или к десяти вечера, чтобы по неискоренимой советской привычке потешить себя за ужином программой «Время». К тому же во время новостей он был избавлен от необходимости беседовать со своей на глазах расползающейся женой.

– Прошу тебя, Эдик, – начала она взывать к мужу накануне вечером, – неужели мы не можем нормально поговорить? Обещаю не повышать голос и не плакать. Пожалуйста, Эдик! Просто мне надо спросить тебя кое о чем. Оставь свой проклятый телефон хотя бы на одну минуту! – вскрикнула она, поскольку тот поднялся с явным намерением запереться у себя в комнате.

Крик перешел в истеричный визг, который быстро достиг максимального регистра и, без сомнения, был услышан тремя этажами выше и тремя этажами ниже, несмотря на добротность сталинских перекрытий.

– Я отказываюсь с тобой разговаривать, – заявил Эдик, досадливо отмахиваясь переносными телефонами. В каждой руке по «билайну». – Да, отказываюсь. Надоели твои слезы и твой визг! Соседи решат, что мы некультурные люди. А то еще снизу прибежит охрана, подумают – у нас ЧП...

– Ладно, Эдик, – прошептала она и, собрав последние силы, взяла себя в руки. – Теперь ты видишь, я не плачу и не кричу. Теперь ты можешь меня выслушать?

– Чего тебе от меня надо? – наконец сказал он, неприязненно оглядывая Машу с головы до ног.

– Прошу тебя, Эдик, – взмолилась она, – Я хочу устроиться на работу. Пожалуйста, позволь мне работать. Большинство жен воюет с мужьями, требуя побольше денег. Я же просто хочу чувствовать себя человеком. Я хочу работать.

– Нет, я не хочу, чтобы моя жена работала, – отрезал Эдик. – Я не хочу, что за моей спиной шептались: «Этот жадный еврей даже свою жену заставляет пахать!» Зачем мне этот геморрой? В конце концов, дома тоже достаточно работы. Почему бы тебе как следует не заботиться о своем муже, а?

Кажется, он ее просто не слышал, как если бы она вдруг заговорила с ним на иврите, которого он не знал. Как растолковать ему элементарную вещь: дело не в деньгах, которыми, если уж быть до конца точным, он ее не так чтобы осыпал. Пропади они пропадом, его деньги. Работа – это то, что необходимо для душевного и умственного здоровья. Это ее единственная надежда на спасение... Она была готова устроиться куданибудь обыкновенной секретаршей... Но Эдик упорно твердил одно:

– Я категорически против, чтобы моя жена работала. Да еще какойнибудь подстилкой-секретаршей. В нашей семье это не принято. Не принято – и весь разговор.

– Но если только для начала... Только пока не найду чтото более достойное...

Он пристально посмотрел на Машу, а потом поганенько хохотнул:

– Если уж тебе так нетерпится, можешь обслужить меня прямо сейчас, а потом сварить кофе. Считай, с этого момента я принял тебя в свою фирму, и ты можешь приступать к своим обязанностям.

Мама была весьма смущена надрывными жалобами дочки. Это ведь она в свое время внушала ей, что та должна как можно скорее выскочить замуж, поскольку, при ее очевидной склонности к полноте, с возрастом это будет довольно трудно сделать. Не обзаведется мужем молоденькой, так потом ее всенепременно разнесет, а значит, весь век куковать одной. Маша послушалась, выскочила замуж, – и что же?.. Не прошло и года, а она уже не узнает себя в зеркале.

– Доченька... – начала мама. Таким тоном разговаривают с душевнобольными. – Не подумай, пожалуйста, что мне безразличны твои проблемы, но, мне кажется, нам нужно все тщательно взвесить и не спеша решить, как поступить... Только не сейчас, когда ты так взволнована. Немножко попозже...

Но разве Маша уже давнымдавно все не взвесила? Взвесила. Взвешивала. В том числе, и себя... Разве она не исследовала себя в зеркале, наблюдая, как заплывают жирком ее когда-то прекрасные голубые глаза, как нос проваливается, исчезая между раздобревшими щеками, как свинячьи складки формируются вокруг подбородка? Разве она ослепла, чтобы не заметить, что груди превращаются в бурдюки с жиром, а талия давно слилась с тяжелыми бедрами Гаргантюа? Она уже и не помнила, что когда-то ее щиколотки были изящными и тонкими, словно у антилопы, а теперь не пролезают в стандартную обувь, и приходится покупать белье, которое годится разве что для слонов... Даже самые плюгавые и никудышные мужики не засматриваются на нее на улице, а это – последний признак того, что она безнадежно деградировала... Словом, все, что ей оставалось, – или наглотаться какойнибудь убойной дрянью, или, целыми днями сидя перед телевизором, превращаться в один огромный кусок сала.

Впрочем, что касается бесконечного сидения перед телевизором, то нечто ценное в этом было. Зерно надежды, которое заронила в ее душу Рита Макарова, проросло, и желание сделаться тележурналисткой жгло ее, словно мучительный внутренний огонь. Теперьто Маша доподлинно знала, чему именно она хотела бы посвятить свою жизнь... Оставалось лишь превозмочь собственную натуру и, оторвавшись от телевизора и жратвы, заняться любимым делом.

– Мария, доченька, – говорила мама, механически прихорашиваясь перед зеркалом, – прежде всего, ты должна понять, что тебя беспокоит на самом деле. Если ты мне расскажешь об этом, то я, может быть, смогу тебе помочь...

Она заботливо подправила выбившуюся прядку, подкрасила губы и подрумянилась.

– Бедненькая моя, – сокрушенно сюсюкала она, даже не глядя в сторону дочери, – Ты должна мне рассказать. Я попробую тебе помочь.

Она была поглощена исключительно собственной персоной. Как Маша могла объяснить ей, почему она ненавидит жизнь, в которой каждое ее движение контролируется мужем – мужчиной, у которого один ответ на все ее жалобы. Чтобы почувствовать себя счастливой, помимо сексуальногимнастических упражнений, она нуждалась в какомто деле. А от Эдика она слышала одно. «Отстань от меня со своим геморроем!» – чуть что ворчал он.

– У меня идея! – сказала мама. – Тебе нужно заняться большим теннисом. Ты быстро войдешь в норму. К тому же там общество. Ты встряхнешься как женщина... Но сначала, – продолжала она, – тебе нужно показаться хорошему специалисту. Он пропишет тебе какие-нибудь хорошенькие пилюльки, которые поумерят твой аппетит. Поверь, существуют такие пилюльки, от которых ты за три месяца сбросишь тридцать килограммов!

Хотя мама старалась держать себя в руках и говорить с дочерью как можно спокойнее, чувствовалось, что и она на грани срыва. Какое уж тут спокойствие, если дело идет к тому, что этот чертов зять наглец Эдик начнет демонстративно пренебрегать ее родной дочуркой, поскольку та разжирела и подурнела.

Между тем раздался звонок в дверь, и мама поднялась, чтобы открыть. Пришла Катя. Вопли ее отпрыска они слышали еще в комнате. Слава богу, старшая дочка была в детском саду, и, теперь Катя энергично кантовала коляску с малышом, который мгновенно успел отодраться от стены в прихожей клок обоев. Тем временем номер третий успешно дозревал у нее во чреве.

Когда Катя вошла в спальню, на ее лице отразилось смущение. Ей становилось не по себе, когда приходилось наблюдать, как у ее младшей сестрички, всегда считавшейся такой стойкой и жизнеспособной, вдруг стали так сдавать нервишки. В то время, как она, Катя, такая плакса—вакса—гуталин, так лихо управляется с муженькомстоматологом Григорием, домом и детишками, Маша находится, так сказать, в процессе самого что ни на есть активного разложения.

– Мы с Григорием все выяснили, – сообщила Катя. – Мы до утра читали специальную медицинскую книгу, и Григорий определил совершенно точно – это послеродовой психоз, следствие неудачной беременности. В подобных случаях рекомендуется сделать еще одну попытку.

Ну не маразм ли это – зубной врач с женойнаседкой сидят ночь напролет над медицинской литературой, чтобы отгадать причину того, почему жизнь Маши катится под откос?

Маша зарыдала еще пуще.

– Григорий весьма озабочен твоим состоянием, – сказала Катя. – Он ставил пломбу одной женщине, у которой были подобные проблемы...

– Какие еще проблемы! – нетерпеливо воскликнула Маша. – Я хочу работать, а не рожать, как ты!

Катя обиделась.

– Ну так и работай на здоровье, – проворчала она. – Зачем тогда эти слезы? Кто тебе мешает?

– Эдик против...

– Что значит – против? – пожалала плечами Катя.

– Ты удивлена?

– Ты мне не говорила.

– А разве вы меня слушаете?!

Катя вопросительно взглянула на мать, а та быстро проговорила:

– Блажь! Очередная блажь! Я вот никогда не работала. Так пожелал ваш отец. Эдик в состоянии содержать семью и, понятно, тоже не желает, чтобы Маша работала...

– Какая чепуха, – снова пожала плечами Катя, подсаживаясь к сестре и осторожно беря ее за руку. – Ведь одно другому не мешает.

– Заботиться о муже – это тоже труд, – заявила мама как само собой разумеющееся. – Если, конечно, и муж старается для семьи. Взять хоть тебя, Катенька. Ты ведь счастлива тем, что можешь заботиться о Григории и детях. И тебе ни к чему другие хлопоты. Разве нет?

– Но я – это я, а она – это она. Если она хочет работать, то никто ей не может запретить... Если бы я захотела выйти на работу, если бы это было необходимо для моего счастья, Григорий не только не стал бы возражать, но был бы рад сам меня куданибудь пристроить – лишь бы от меня была какая-нибудь польза...

– Ты смеешься, – горько всхлипнула Маша, – как тебе не стыдно!

– Екатерина, – одернула Катю мать, – если ты намерена разговаривать в таком тоне, то лучше уходи!

– Никуда я не собираюсь уходить, пока Маша сама меня не прогонит, – заявила Катя, улыбаясь сестре.

– Нетнет, – поспешно проговорила та, сжимая ее руку, – не уходи, пожалуйста!

– Если ты такая умная, – проворчала мать, обращаясь к Кате, – то объясни своей младшей сестре, что ей, по крайней мере, не мешает немножко похудеть!

– Что правда, то правда, – спокойно сказала Катя, – но Маша и сама это прекрасно понимает.

Маша со вздохом кивнула, а мама тут же сняла телефонную трубку и принялась прозваниваться к знакомому врачудиетологу, большому специалисту в своем деле. Кажется, по совместительству, он был еще не то гипнологом, не то сексопатологом. Как бы там ни было, после его курса стремительно худели не только кошельки пациентов, но и сами их владельцы. Кроме таинственных и экзотических восточных процедур, он кормил пациентов пилюлями собственного изготовления, от которых не только худели, но и вновь обретали радость бытия.

– Да, доктор, – защебетала мама, – конечно, доктор. Как скажете, доктор. Все что угодно, доктор... Огромнейшее вам спасибо!

Положив трубку, она даже потерла от удовольствия руки.

– Завтра у тебя начнется новая жизнь, – победно заявила она.

– Ты пойдешь? – осторожно поинтересовалась у сестры Катя.

Однако Маша медлила с ответом. Смысл жизни все еще ускользал от нее.

Переворачиваясь на постели так, чтобы слезы и сопли красноречиво размазались по подушкам, она закричала:

– И не подумаю! До тех пор, пока не буду точно знать, что со мной будет!

– Ну не знаю, – проворчала мама, потянувшись за своей сумочкой, – с тобой невозможно говорить! И ты неблагодарная как всегда.

– Что ты хочешь знать? – спросила сестру Катя.

– Я хочу знать, – заявила та, – обещаете ли вы убедить Эдика, чтобы он позволил мне чем-нибудь заниматься.

– Глупенькая, это совершенно ни к чему, – сказала с улыбкой Катя. – Просто делай что хочешь, и черт с ним, с Эдиком.

– Чем, интересно, она будет заниматься – без образования, без специальности? А когда Эдик ее бросит, то кто, интересно, будет ее кормитьодевать? Может, ты? Я, например, этого делать не собираюсь!

– Она может учиться заочно, она найдет работу... – начала Катя, но взбешенная и как всегда непреклонная родительница схватила сумочку и вышла вон, громко хлопнув дверью.

Спустя три недели после аккуратных посещений замечательного доктора и усердных занятий на корте Маша сбросила целых пять килограммов, укрепилась духом и добилась того,

чтобы ее восстановили на заочном отделении факультета журналистики, который она бросила прошлой осенью при первых же признаках токсикоза от беременности. А главное, она набросала очерк для газеты или журнала. Про себя она решила – как только она снова начнет влезать в свои прежние наряды, то любой ценой устроится хоть штатным, хоть внештатным корреспондентом в какоенибудь приличное издание.

Когда однажды вечером Эдик вернулся домой из офиса, Маша торжественно вручила ему рукопись очерка. Для прочтения. Накрывая на стол, она наблюдала, как, механически встряхнув листками, он уселся на диван и, закинув ногу на ногу, приступил к чтению. Кажется, он еще толком не понимал, что именно она сунула ему в руки. Вдруг он побледнел, как смерть, схватился за сердце и стал ловить ртом воздух.

– Что с тобой? – испугалась она.

– Сам не пойму, – с трудом выдавил Эдик, ослабляя галстук. – Чтото мне нехорошо. Принеси попить...

Она стремглав бросилась за водой и, вернувшись, протянула стакан умирающему супругу. Ее рука дрогнула, и она слегка облила его дорогой английский костюм.

– Идиотка, – закричал он, – посмотри, что ты наделала!

– Господи, ты меня напугал, Эдик. Я подумала, что у тебя схватило сердце.

Маша взяла его за руку и попыталась нащупать пульс.

– Отстань! – снова взвизгнул он, отдергивая руку. – Со мной все в порядке. Это нервное.

Он прошаркал в спальню и уселся на кровать, неподвижно уставившись в окно с видом на золотые купола. Маша молча смотрела на него.

– Зачем тебе эта дурацкая писанина? – вдруг запричитал он. – Чтобы меня расстраивать? Ты же знаешь, я должен быть в форме. Если я выбит из колеи, то не могу работать. Не могу зарабатывать деньги нам на жизнь! Думаешь, мне легко все дается?

– Нет, я так не думаю, Эдик. Но я тоже хочу чемто заниматься, работать. Ты пойми...

– Нет, это ты пойми! Я тебе хочу коечто объяснить! – перебил он. – С самого начала ты ведешь себя совершенно недопустимо... А теперь, посмотри, тебя так отвратительно разнесло, что с тобой даже стыдно появляться на людях. Но дело даже не в этом. Главное, ты убиваешь во мне все желание. Ты как будто добиваешься, чтобы во мне умерло все мужское. Это настоящее неуважение ко мне, как к мужчине!

Раньше Эдик никогда не говорил с ней об этом. По мере сил, она старалась оказывать ему это самое «уважение». Но теперь его словно прорвало.

– С тобой я скоро стану полным импотентом! – зловеще сообщил он.

То есть, «неполным» он был всегда.

– Ты меня перестаешь возбуждать! – добавил он.

А как на счет Маши? Если Эдик и возбуждал в ней чтото, то это было чувство вины. Проклятое и незаслуженное вечное чувство вины.

– Я старалась как могла... – прошептала она.

– Как могла! – саркастически усмехнулся Эдик. – Ты только доказала полную свою несостоятельность в этом смысле. К тому же ты неспособна иметь здоровых детей.

– Но в этомто почему я виновата? – прошептала Маша, и у нее на глаза навернулись слезы.

Но Эдик как будто ничего не замечал.

– После твоего безответственного поведения...

Ужасные роды, мертвой ребенок... и это он называл теперь ее безответственным поведением!

– После всего этого у тебя еще хватает наглости чего-то требовать от меня!.. Ты довела меня до того, что я не могу сделать тебя беременной! Мне неприятно на тебя смотреть, не то что...

– Неужели ты думаешь, что мне самой нравится, как я выгляжу? Это все беременность... – заплакала Маша. – Ты думаешь, я не страдаю?

– Молчи и слушай, – оборвал ее Эдик. – Меня абсолютно не интересует твои переживания. Я поступал, как настоящий мужчина. Я хотел создать тебе достойную жизнь. А ведь найдутся сотни девушек, которые готовы ползать за мной на коленях, лишь бы носить мою фамилию!

– Ты хочешь, чтобы я ползала на коленях?

– Не кривляйся! – заорал Эдик. – Я выразился фигурально. Даже в возвышенном смысле!

– Эдик, – вдруг прошептала Маша, – скажи мне пожалуйста, кто у меня тогда родился – мальчик или девочка? Мне очень нужно это знать.

Он взглянул на нее с презрением и злостью.

– Ты снова об этом?

Это была запретная тема. Он наотрез отказывался разговаривать о мертворожденном младенце. Он заручился поддержкой врачей, которые полагали, что если Маше станет известен пол ребенка, то в ее воображении он сделается более реальным, она будет непрестанно думать о нем, а это повредит ее нервной системе... Какая чушь! Наоборот, чтобы примириться с происшедшим Маша должна была знать, кого она носила почти девять месяцев. Только боль могла ее излечить. Она действительно не хотела рождения этого маленького существа, и теперь ей казалось, что именно ее нежелание вызвало какие-то фатальные изменения в организме.

– Ну пожалуйста, Эдик! – взмолилась она.

– Только в том случае, – процедил он сквозь зубы после многозначительной паузы, – если ты обещаешь, что больше никогда не будешь приставать ко мне со своей работой и постараешься сделать меня счастливым.

В его тоне было столько высокомерия и самодовольства, что на нее нахлынула спасительная ярость.

– Ну и черт с тобой! – спокойно сказала она.

VIII

В тот последний день в мятежном городе Грозном Маша и Волк зашли на прощание в крохотное заведение, вероятно, что-то вроде духана, но громко именовавшееся рестораном. Три столика под навесом. Цены как в «Славянском базаре». Само же заведение вполне могло бы называться «Славянокавказским», поскольку в меню были представлены лишь два блюда – окрошка и шашлык. Вообще, Маша и Волк не были голодны, однако им хотелось побыть вдвоем в обстановке, которая хотя бы призрачно напоминала место романтического свидания. Хозяином, метрдотелем, шефповаром и официантом в одном лице был человек совершенно неопределенной в национальном отношении наружности, который, однако ж, говорил с кавказским акцентом. Было душно, и они заказали окрошку. Маша заглянула в тарелку и с изумлением обнаружила в окрошке макаронные изделия.

– Помоему, – заметила она, – окрошка не бывает с лапшой. По крайней мере в «Славянском базаре» ее готовят иначе...

– Вай! – степенно и звучно отвечал хозяин, презрительно дернув носом. – Что они там понимают в окрошке!

Волк и Маша переглянулись, едва сдерживая смех.

– Принесика, братец, шашлык, – сказал Волк. – И кувшинчик вина.

– А шашлык у вас из говядины? – поинтересовалась Маша.

– Какой говядина, шутишь? – последовал ответ. – Чистый баран!

Они не расставались с того самого момента, когда загрузили в самолет цинковый ящик. Теперь они сидели под навесом, густо окруженным абрикосовыми деревьями, и медленно пили красное виноградное вино. Каждый из них мучился в душе своими сомнениями. Впрочем, мучилась, пожалуй, одна только Маша. Она вспоминала мамины слова.

– Нельзя построить счастье на несчастье другого, – твердила ей та.

– Но мама, – защищалась Маша, – ведь Эдик медленно убивает меня!

– Пусть лучше он, чем ты, – заявила мама. – Пусть он почувствует свою вину.

Но сейчас Маше не хотелось вспоминать о прошлом. Тем более, о жизни с Эдиком... Но не хотелось ей думать и о тех счастливых ночах, которые она провела с Волком, – когда, разгоряченные и усталые, они засыпали на несколько часов, чтобы, вдруг проснувшись одновременно, снова заключить друг друга в объятия. В течении дня они вместе колесили по городу и окрестностям. В эти дни неожиданно наступило благословенное затишье в войне, как будто специально для того, чтобы они могли насладиться своей любовью. Они много говорили и, казалось, понимали друг друга с полуслова... А сегодня она сообщила, что уже завтра утром должна уехать в Москву. Очередная кавказская командировка закончилась, и когда она снова окажется здесь – неизвестно. Он конечно знал, что скоро ей придется уехать, но он не догадывался о том, что она не собирается возвращаться назад. Со времени начала чеченского конфликта ее командировки были столь частыми и длительными, что, казалось, она находилась здесь безвыездно. На этот раз она твердо решила, что ей не следует возвращаться – изза него... вернее, к нему.

Маша была чуть жива после кошмара, через который ей довелось пройти, когда у нее на глазах погиб Рома Иванов. Теперь в ее жизнь ворвался этот чудесный полковник Волк. Он до того смутил ее, бедную, что она потеряла всякую способность сосредоточиваться на самом главном в ее жизни – своей работе...

Но в данный момент Маша прохлаждалась в обществе своего полковника, который церемонно раскурил уже знакомую ей маленькую черную трубку и со счастливым видом выпускал через ноздри струйки вкусного табачного дыма. Словно беспечные и праздные влюбленные, они вели душевную и откровенную беседу, совершенно забыв и о времени, и о пространстве.

– Наверное, ты не очень старался, чтобы твоя семейная жизнь протекала нормально? – предположила Маша, сделав глоток вина.

Она словно подыскивала для себя новую роль, вжившись в которую можно было бы без потерь выпутаться из этого военнополового приключения. Показать себя женщиной мудрой и способствующей восстановлению семейного мира – значило бы успешно самоустраниться из наметившегося любовного треугольника и избежать очередных душевных терзаний, ощущая себя злой и коварной разлучницей, которая сровняла с землей счастливый семейный очаг. Ее уже сейчас легко покалывали угрызения совести.

– Так как же, Волк? Ты с женой испробовал все средства?

Она почувствовала себя добрым доктором-сексопатологом, который самоотверженно заботится о своем сбившемся с истинного пути подопечном. Нужно поучить его умуразуму, прочесть соответствующие наставления, дать ценные советы касательно интимной сферы и отправить домой для вдумчивого и самоотверженного исполнения супружеских обязанностей. Иначе говоря, убедить полковника, чтобы тот занялся любовью с собственной женой. И желательно – со всей возможной нежностью и лаской, вместо того, чтобы растрчивать их на стороне...

В какой-то момент Маша даже успокоилась, упиваясь своей мудростью и проницательностью. Однако если она такая умная, то почему бы ей не позаботиться немного и о себе самой?.. Вот всегда так – она была готова заботиться о ком угодно, только не о себе.

Полковник сначала улыбнулся, а потом посмотрел на Машу долгим взглядом, в котором засквозила подозрительность. И зачем это ей понадобилось заводить разговор о его неудачном супружеском опыте? Зачем омрачать воспоминаниями эти счастливые минуты?.. Тем не менее он ответил.

– Понимаешь, – сказал он, взяв Машу за руку, – не то чтобы я совсем не старался, чтобы у нас с Оксаной все было хорошо. Я старался. Я даже очень старался. Лет десять я честно пытался сделаться примерным мужем, хотя с самого начала знал, что ничего хорошего не получится.

– Тогда зачем же ты на ней жениться?

– Да вот женился... Зачем женятся? – он пожал плечами, – Наверное, видел, что ей этого хочется – и покорился. Я только что получил свое первое серьезное назначение. Тогда еще в звании лейтенанта. Наверное, мне хотелось, чтобы меня ждала женщина. Вот я и пообещал, что, когда вернусь, мы поженимся. Я уезжал очень далеко, и там было очень жарко.

– В Афганистан?

– Куда же еще...

– Ну конечно, я так и думала, – сказала Маша, отводя глаза.

– Что ты думала? – насторожился он, но Маша не ответила.

– Господи, – лишь воскликнула она, – почему это случилось именно со мной?!..

Он тоже ничего не сказал, только снова набил свою маленькую черную трубку и изящно закурил, спокойно поглядывая на Машу.

– Что же потом? – нетерпеливо спросила она.

– Потом началась долгая-предолгая война, и у меня даже не было времени толком задуматься о том, что я делаю. Впрочем, кажется, когда я уехал, я уже точно знал, что не хочу на ней жениться. Честное слово, знал. И знал... что женюсь. Была в этом какая-то тупая неотвратимость. Это должно было случиться – вот и все. Разве что если бы я погиб...

– Но ведь ты ее все-таки любил? – настаивала Маша.

Он слегка покраснел.

– Мне было двадцать пять лет. Что я понимал в любви? Но наверное любил. Мы были в разлуке несколько месяцев и, когда я приехал в отпуск, она показалась мне самой красивой

девушкой, которую я когданибудь видел. Я представил, что мне скоро возвращаться в часть и что, если мы поженимся, я смогу взять ее, такую красивую девушку, с собой. Вот и вся любовь.

– И она с тобой согласилась ехать...

– А что тут такого? Она всегда была неподалеку, где бы я не служил. Не так уж это было опасно, как некоторые думают. По крайней мере, в нашем случае. А преимуществ – масса...

Разглядывая полковника, Маша подумала о том, что, пожалуй, никто из них, из мужчин, не способен внятно рассказать о своих чувствах, о любви к женщине. Особенно, если любовь уже умерла. Им кажется, что ее никогда и не было. Они словно боятся, что если признаются в своем прежнем чувстве, то на новое уже не будут способны. Поэтому всякий раз убеждают себя и потом искренне верят, что полюбили впервые. Как будто прежняя любовь помеха новой...

– Я думаю, она смотрела на это подругому, – сказала Маша.

– Может быть, – пожал плечами он. – Я вовсе не оправдываюсь. Да и не в чем, кажется. Просто с самого начала мы не стали друг другу близки. Не было той близости, которая превращает незнакомого человека в самого родного. Война продолжалась, разрасталась, превращалась в бесконечную и очень хлопотную работу...

– Не понимаю... Какое все это имеет отношение к твоему браку?

– Самое непосредственное, – терпеливо ответил он. – Я был так поглощен службой, что у меня не было ни времени, ни желания копаться в своих собственных переживаниях. Меня быстро повышали в звании и должностях. Приходилось заниматься очень серьезными и ответственными делами. От меня зависели жизни очень многих людей...

– Но ведь у тебя стали появляться другие женщины. Твои серьезные и ответственные дела этому не мешали? Или это тоже был вопрос жизни или смерти?

Волк даже не улыбнулся ее иронии.

– Я думаю, – серьезно сказал он, – что сначала я сходил с женщинами только для того, чтобы снять напряжение. Потом что-то изменилось. Я стал искать близости с теми женщинами, которые могли дать мне то, чего не могла или не хотела дать Оксана. Но... я всегда ненавидел себя за то, что приходилось ей врать. А потом начал ненавидеть ее – за то, что она подтолкнула меня к этому...

– Значит, ты возненавидел ее, – тихо проговорила Маша. – А если бы я не смогла дать тебе то, что тебе нужно, ты бы меня тоже возненавидел? – спросила она. – Думаешь, я устроена иначе, чем она? Что у меня другая душа?

Слово «душа» она выговорила с особенным удовольствием.

Вместо ответа он взял ее за руки и поднес ее пальцы к своим губам. Закрыв глаза, она ощутила тяжесть мгновенного и горячего прилива внизу живота. Она непроизвольно напрягла бедра и ягодицы и тут же у нее закружилась голова. Ей показалось, что у нее между ног забил горячий родник. Господи, как хорошо!

Он хотел что-то сказать, но она порывисто остановила его.

– Подожди!

А через несколько секунд взглянула на него рассеянными, затуманенными глазами.

– Ты что-то хотел сказать?

Он наклонился к ней и привлек к себе, устроив ее голову у себя на плече.

– Все, о чем ты говоришь, отвлеченные рассуждения. Ты любишь философствовать, – нежно прошептал он, – Да, ты другая. И мне никто не нужен, кроме тебя. Ты даешь мне то, о чем я и мечтать не мог. Мне почти сорок лет, я устал от двойной жизни. Мне хочется, чтобы у нас с тобой все получилось...

Она отстранилась от него. Теперь она не чувствовала ничего, кроме пустоты. Вернее, чувствовала, что обязана вернуть далекой Оксане ее мужчину, который сделался любовником

очередной случайной женщины, хотя и уверяет, что та едва ли не воскресила его из мертвых, сделала самым счастливым человеком на земле. Нет, Маша не станет строить своего счастья на несчастье другой.

– Волк, – сказала она как можно спокойнее, – я тебе не подхожу. Ты из тех мужчин, которым нужна женщина, способная посвятить мужу всю свою жизнь... Мне кажется, что именно такой женщиной старалась стать твоя Оксана. И еще станет! А я просто неспособна на это.

– Нет, – не менее спокойно возразил он и коснулся кончиками пальцев ее дрогнувших губ, – мне нужна именно ты. Я так хочу. Хочу тебя.

Ох уж эти мужчины! Уж если они чего возжелали, то будут хотеть – хоть ты тресни. Ничто их не отвратит. Вот и Волку вздумалось возжелать Машу. Ту самую Машу, которая с детства была неблагодарным и своевольным созданием. Она портила кровь папе и маме, которые всегото и мечтали, как только о том, чтобы девочка выросла воспитанной и культурной. Ту самую Машу, которая восстала против мужа, разъезжавшего с охраной на пресловутом серебристом «BMW» и не мечтавшего ни о чем другом, как только о том, чтобы сделать ее жизнь красивой и счастливой, – а она – нечего сказать, отблагодарила, – родила мертвого ребенка!.. И вот теперь Маша делала все возможное, чтобы отвадить от себя полковника, а тот... все еще хотел ее.

– Ты не мыслишь себя без армии. Ты решил посвятить себя войне. А я жить не могу без своей работы, – заявила она, отстраняясь от его руки. – К тому же я никогда не смогу привыкнуть к войне, как привык к ней ты. Я ее ненавижу, я...

– Нет, – попрежнему спокойно возразил он, – ты тоже привыкла к войне. Только войну ты ведешь с самой собой.

Маша сделала вид, что пропустила мимо ушей эту последнюю реплику, которая на самом деле чрезвычайно ее уязвила.

– Я конечно уважаю твою преданность армии, – забормотала она. – Но жертвовать жизнью в наше время и ради разложившегося государства – всетаки, согласишься, выглядит и странно, и дико. Особенно, в этой войне...

Он хотел что-то сказать, но она была так взволнована, что нетерпеливо прижала ладонь к его губам. Он улыбнулся.

– А вот интересно, – продолжала Маша, – ты, который так привык воевать, ты бы смог уважать мою преданность журналистике, мое призвание?

Кажется, ей вовсе не нужно было, чтобы он отвечал. Но он ответил.

– Я понимаю тебя, а это больше, чем просто уважение.

И снова улыбнулся, а она взглянула на него почти враждебно.

– Кроме того, – добавил он, – ни государство, ни моя служба, ни даже эта война никак не связаны с тем, что я чувствую к тебе. Ты – моя душа. Вот и все.

Вот и все... Маша досадливо поморщилась. Что правда, то правда – если уж мужчины что-то вобьют себе в голову, то потом этого ничем не выбьешь. Тут, наверное, повинна физиология. Они склонны загораться. Сначала загораются пониже пояса и повыше колен. Железа начинает работать, как мощный генератор. Стоит только подумать об объекте вожделения, как начинает ныть мошонка. На удивление скоро все, что еще недавно казалось первостепенным, отходит на второй план. Отфильтровывается одна ключевая идея. Они хотят, а прочее не имеет никакого значения.

– Все, что ты делаешь, кажется тебе совершенно естественным и правильным, – устало сказала Маша. – Тебе, к примеру, и в голову не приходит, что даже пролитая русская кровь не может оправдать того, что здесь происходит. Взятся за гуж – не говори, что не дюж. Вот ваш главный принцип. Раз уж влезли в драку, то нужно во что бы то ни стало выйти победителями...

– Отчего же, – вздохнул полковник, – ведь ушли же мы из Афганистана.

– Ушли! – качнула головой Маша. – Разве это так называется? Вы убрались восвояси едва волоча ноги. Знаешь, ваши войны чрезвычайно напоминают половое упорство патологического самца, который тупо долбит самку до тех пор, пока не задолбит до полусмерти или не измочалится сам. Армия наваливается на страну, как мужчина на женщину, и очень скоро мы становимся свидетелями безрезультатного, но оттого не менее прискорбного изнасилования. Мы наблюдаем, как сжигаемый вожделем импотент снова и снова пытается добиться хоть какого-то результата... Впрочем, все последние войны в мире похожи одна на другую...

Полковник дождался, пока Маша выговорится, а потом задумчиво проговорил:

– Все правильно. Но, что касается армии, позволь одно уточнение... – Он смущенно улыбнулся. – Дай только подобрать слова. Уж больно лихие у тебя аллегории. Сразу видно, образованного человека... Армию, а тем более ту ее часть, которая непосредственно участвует в боевых действиях, никак нельзя сравнить с патологическим, как ты говоришь, самцом. Уж если кто и патологический самец, так только не армия. Может, это – государство, правительство... не знаю... А армия... – он снова улыбнулся, – это, скорее, несчастный намозоленный член этого самого самца, которым всю дорогу и пашут, и куют, и груши околачивают...

Маша только руками развела. Может быть, и так. Однако война на Кавказе продолжалась. Продолжалась война и в ее собственной душе.

– Полковник Волк, завтра я улетаю в Москву, – наконец сказала она. – На некоторое время мне придется расстаться с кавказским сюжетом.

– Знаю, – ответил он, ласково погладив Машу по щеке. – Я знал это еще неделю назад.

Полковник Александр Вовк прошел отличную армейскую школу, но его никто не научил распознавать дальнейшие намерения женщины, которая так легко позволила ему овладеть ею в гостиничном номере. Маша напротив – понятия не имела ни о тактике, ни о стратегии, однако, вымуштрованная строгой мамочкой, прекрасно ориентировалась на местности и преуспела в искусстве рекогносцировки.

Пусть уж лучше он считает ее стервой.

– И не требуй от меня никаких обещаний, – предупредила она, уверенная, что именно это сейчас последует. – Ты должен понять, что я никогда не смогу дать тебе то, в чем ты нуждаешься и чего безусловно заслуживаешь.

Он не ответил. И, кажется, даже не удивился. Просто сидел и попыхивал трубкой. А поскольку он молчал, Маше снова пришлось заговорить и развивать предыдущую свою мысль.

Он как бы даже снисходительно слушал ее сбивчивый женский бред о том, как и что она не сможет для него сделать. Он лучше нее понимал, что если только она допустит для себя возможность противоположного, то значит допустит возможность своего женского счастья. Не могла же она, в конце концов, собственноручно поколебать равновесное состояние своей души, которого ей удалось обрести, примирившись с мыслью, что вся ее жизнь это борьба и страдание. Признание собственной слабости для женщины – худшая зараза.

– Ты только не подумай, что это изза нездорового тщеславия или потому что я такого уж высокого мнения о своей профессии и работе на телевидении... – добавила Маша. Все-таки ей не хотелось, чтобы в результате он счел ее законченной душой. – Конечно, я безумно люблю свою работу, но это не значит, что я синий чулок... Хотя и это неважно... В общем, я уверена, что конце концов ты бы просто сам от меня устал, и я была бы тебе в тягость, как теперь Оксана...

Маша демонстративно вздохнула. Пусть думает о ней, что хочет.

– Это все? – поинтересовался он, внимательно разглядывая Машу своими большими добрыми глазами.

Ей захотелось броситься к нему в объятия, но вместо этого она проворчала:

– Нет, не все... Кстати, скажи, почему у вас с Оксаной нет детей? С ее стороны это, кажется, было не слишком мудро.

– Дело не в ней, – спокойно ответил он. – Думаю, ты понимаешь, что не такто просто занять ребенка от мужчины, который почти не появляется дома.

– Но ведь ты говорил, что она повсюду следовала за тобой. Из гарнизона в гарнизон...

– Так и есть. Но ято находился то в поле, то на ученьях.

– А где она сейчас? – спросила Маша.

– В Минеральных Водах.

Вот как. Значит там, где они впервые увидели друг друга.

– Очень хорошо, – покраснев, сказала Маша. – Я хочу, чтобы ты знал: я не собираюсь еще раз ломать свою жизнь. С меня и прошлых впечатлений довольно. Я ничего не собираюсь менять в своей жизни и не пытаюсь стать другой. Да я и не смогу стать другой, если это требует от меня человек, который меня не понимает...

Он улыбнулся.

– На самом деле ты совсем не такая, какой хочешь быть. Ты гораздо лучше.

Она снова хотела возразить, но на этот раз он решительно ее остановил.

– Я тебя выслушал. Теперь, пожалуйста, послушай меня. – Он нежно взял ее руку в свои ладони и бережно погладил. – Я хорошо понял, мне нельзя даже намекать о том, чтобы мы были вместе. Иначе ты просто сбежишь. Если мне потребуется проникнуть в твою жизнь, я должен соблюдать величайшую осторожность. Как разведчик в тылу противника.

– Ты слышал, что я сказала? – воскликнула Маша, потому что уже чувствовала на глазах слезы. – Я ничего не собираюсь менять, и поэтому тебе лучше вернуться к своей Оксане.

– Разве я против того, чтобы ты ездила по самым опасным дорогам, гуляла по минным полям и горным ущельям? Я не собираюсь даже заикаться об этом. Я прекрасно понимаю, что в этом состоит твоя работа, твоя жизнь... А значит, и моя.

– Ты не понимаешь одного. Я всегда буду такой. Подумай об этом!

Она быстро смахнула слезы тыльной стороной ладони.

– Уже подумал. В первый же момент, как только увидел и полюбил тебя. Не такая уж это была для меня неожиданность, – сказал он, прижимая ее ладонь к своим губам.

– Это сегодня. А завтра ты захочешь, чтобы я стала примерной женой, которую первый же начнешь презирать.

– Завтра ты улетаешь в Москву, – мягко напомнил он.

– Я не шучу!

– А я никогда не буду пытаться тебя изменить и никогда не буду тебя презирать.

– Ты и сам не заметишь. Сначала тебе захочется, чтобы я сидела дома, потом...

Он погладил ее по волосам, словно капризную девочку, и покачал головой.

– Нет, это твой верный полковник Волк будет мирно поджидать тебя дома. Ты будешь возвращаться из командировки, а я буду укладывать тебя, уставшую, в постельку и нежно убаюкивать.

Маша оттолкнула его руку, и это действительно был жест капризной девчонки.

– Я знаю, чего ты добиваешься, – заявила она. – Ты хочешь, чтобы я оценила, какого неотразимого мужчину я могу потерять в твоём лице! Чтобы мне побольнее было!

– И вовсе ты меня не потеряешь. А вот я и правда боюсь тебя потерять!

Она внимательно всматривалась в него: шутит он или говорит серьезно, а он взял ее заплаканное лицо в свои ладони.

– Если бы ты так нянчился с Оксаной, то был бы для нее самым родным человеком, – всхлипнула Маша. – И не жаловался бы другой женщине на отчужденность жены.

– Не нужно больше говорить о ней. Я ведь и так о ней все знаю. Она всегда старалась не усложнять мне жизнь. И вообще была очень терпелива.

– А я, значит, усложняю жизнь?

Впервые полковник действительно погрузился, поднял глаза и обвел взглядом далекие горы и высокие белоснежные облака. Потом медленно кивнул.

– В ней я был совершенно уверен, а в тебе нет.

– Вот и правильно, – вдруг искренне обиделась Маша.

– Ты переменчива, как эти облака, и далека, как те горы, – продолжал он, как будто не слыша ее.

– Тогда зачем я тебе? – воскликнула она.

Его губы почти касались ее губ.

– Я люблю тебя, – сказал он. – И буду ждать, пока и ты привыкнешь к мысли, что любишь меня.

– Почему ты решил, что я тебя люблю? – резко спросила она, только теперь осознав, как далеко у них зашло.

Он прищурился на солнце.

– Но если ты меня не любишь и тебе не хочется думать о том, что мы могли бы жить вместе, жить нормальной, счастливой жизнью, то тогда ты, конечно, уедешь, а я не буду пытаться вернуть тебя.

– Наконец я тебя поняла, – сказала Маша, вставая. – Если женщина не в состоянии создать тебе то, что тебе кажется нормальной жизнью, то ты начинаешь ею тяготиться, а потом просто избавляешься, как от ненужного хлама. Зачем тратить время, полковник Волк?

– А что ты считаешь нормальной жизнью? – вдруг вспыхнул он.

– Вряд ли стоит объяснять. Ты все равно бы не понял, – вздохнула она. – Как не понял того, что едва я смогла чего-то добиться в жизни, как явился ты и все разрушил.

– Пожалуйста, давай не будем ссориться, – попросил он смиренно.

– Отвези меня домой, Волк. Мне еще нужно собраться.

– Если бы только знать, где твой дом, Маша, – грустно сказал полковник. – Если бы ты сама это знала!

На следующее утро он провожал ее до самолета. Самолет был военным, но на посадку прибыло много гражданских пассажиров, которых тщательно проверяли перед вылетом. Это были беженцы, некоторые с детьми, – редкие счастливицы, которым удалось пробиться на прямой рейс, однако на их лицах не было заметно особой радости. Когда наконец объявили посадку, и все торопливо бросились к самолету, полковник обнял Машу и шепнул ей на ухо:

– Если хочешь, скажи мне прощай... Все равно это будет неправдой.

Она ничего не сказала, но, когда поднималась по трапу, быстро оглянулась – в надежде еще раз увидеть последний раз его влюбленный взгляд и запомнить его навсегда. Однако полковник уже успел вскочить в машину, которая помчалась наискосок через летное поле...

IX

За рекой в тени березок тихомирно жили славяне Клавдия Ивановна и Михаил Палыч Ивановы, родители звукооператора Ромы. Их приземистый, обшитый вагонкой пятистенник с затейливыми ставнями и разукрашенным жестяным петушком на крыше медленно, но верно врос в загадочную русскую почву. С понятным трепетом дожидались пенсионеры приезда сына, который обещал не только явиться сам, но и привести в гости ту самую Машу Семёнову, которую они регулярно наблюдали на телеэкране. Удовлетворительно ясного впечатления о ней они еще не имели, поскольку телевизионная антенна на крыше была кривобока и не давала стабильного изображения. Однако пенсионеры от души надеялись, что избавившийся от паскудной столичной блажи сын везет девушку с конкретной целью. Михаил Палыч даже забыл думать о своей старой доброй «тулке», из двух стволов которой собирался встретить мужеложествовавшего «поганца», если тот посмеет сунуться на свою малую родину... Словом, ждали родители сына, а получили цинковый ящик с письменными соболезнованиями от всего центрального телевидения.

Машу провели в комнатку, где прошли ранние годы ее звукооператора. Над стареньким диваном, еще сохранившим запах отроческих поллюций, висела свежееувеличенная фотография Ромы Иванова в форме сержантасвязиста советской армии на фоне знамени части. К рамке, в которую была вставлена фотография, был прикреплен черный траурный бант. На гвоздике у двери висели его футбольные бутсы, а на комодe стоял его первый самодельный радиоприемник, заботливо покрытый кружевной деревенской салфеткой, на которой лежали два бумажных цветка.

– Он приглашал меня, чтобы я отметила здесь свой день рождения, – сказала Маша. – У нас красота, говорил он. Русская Швейцария.

– Венеция, – смущенно поправил ее Михаил Петрович.

– Точно, – кивнула она.

Маша с вздохом окинула взглядом этот маленький семейный мемориал и, поспешно достав платок, промакнула глаза. В ту же секунду заголосила и разразилась бурными рыданиями Клавдия Ивановна, и Маша была вынуждена ее обнять и забормотать какие-то утешительные слова. Бывший милиционер Михаил Палыч беспомощно развел руками. Его огромный живот вываливался из синих сношенных галифе. Он переминался с ноги на ногу, и по его лицу обильно текли слезы. Маша подвела женщину к диванчику, они вместе уселись на него и некоторое время рыдали. Наконец Клавдия Ивановна вытерла лицо передником, пробормотав:

– Вы уж простите нас, некультурных...

– Я вам так сочувствую, – всхлипнула Маша.

Только теперь, вдоль нарыдавшись, она почувствовала, как внутри у нее наконец что-то расслабилось. Отпустило.

К ней подошел Михаил Палыч и неловко протянул ей свою широкую ладонь. Он осторожно пожал ей руку, и она заметила у него на пальцах лиловые наколотые буквы «КЛАВА». Сама не понимая почему, Маша вдруг ощутила что-то вроде светлой зависти к их незамысловатой ясной жизни. И случившееся несчастье лишь оттенило ясность и простоту их жизни.

– Спасибо, что приехала, дочка, – просто сказал пожилой мужчина. – Рома у нас один был. Единственный сыночек.

Он подсел к Маше с другого бока и принялся празднично похлопывать себя ладонями по коленям.

– Он был славным пареньком, – проговорила Маша, складывая и раскладывая свой платок. – Добрым и внимательным.

– Да, он был очень хорошим мальчиком, – подхватила Клавдия Ивановна. – И никогда никого не обижал.

Она снова вскрикнула, и они оба бросились ее утешать. Вместе им и в самом деле было легче переносить несчастье.

– Единственный сынок, – повторил Михаил Палыч, ожесточенно хлопнув себя по коленям. – Клавдия Ивановна, понимаешь, моя потом все мертвых рожала!

Только теперь Маша заметила, что бывший милиционер капитально проспиртован, и пьяные слезы, словно сами собой, снова заструились по его тяжелым брылям.

– А вы, значит, в Москве живете? – поинтересовалась Клавдия Ивановна.

– Живу, – сказала Маша.

– Как приехали – прямо к нам?

– Да.

– Милая вы моя! – воскликнула женщина и, взяв Машу за руки, принялась жадно в нее глядеться. – Такая модная, видная!

Было видно, что ей хочется спросить, кем эта городская красавица доводилась их сыну, но она не решалась. А у Маши не поворачивался язык, чтобы соврать.

– А правда, что вы были жена известного комментатора Невзорова Александра? – вдруг спросила Клавдия Ивановна.

Маша так опешила, что даже не нашлась, что ответить.

– Полно, мать, – сказал Михаил Палыч. – Не твоего ума это дело!.. Мы тебя, дочка, регулярно наблюдаем по телеку, – словно извиняясь, сообщил он Маше. – Очень складно ты выступаешь и политически остро.

Маша молча кивнула.

– А правда, что эту Чечню хотели одной бомбой накрыть, – спросил он, – только, дескать, эти чечены пока что откупаются?

– У них, у чеченов, все куплено, – со вздохом добавила Клавдия Ивановна. – Говорят, и наш район уж купили.

– А хер им, а не район! – вспыхнул пенсионер и, вскочив, сделал хрестоматийный жест.

– Ну ну, отец, уймись, – прикрикнула на него жена.

– Что ты понимаешь, мать, – вздохнул тот. – Президент у нас неадекватный – вот беда!

Маша снова ощутила в душе прежнюю боль. Она вспомнила, что больше не увидится с Волком. Она смотрела на пожилых супругов и понимала, что те, без сомнения, переживали бы любое ее горе как свое собственное. Но что значит ее боль по сравнению с их болью? Об этом даже смешно говорить. Если бы какая-нибудь подруга рассказала ей о своей печали после расставания с неким полковником, с которым переспала в командировке, бесчувственная Маша наверное подняла бы ее насмех.

– Так значит, вы собирались отметить в наших краях свой день рождения? – спохватилась Клавдия Ивановна. – Вместе с Ромой?

– Ты, дочка, у нас будь как дома, – добавил Михаил Палыч, словно забывшись. – У нас тут отдых – благодать божья! Жаль только, Ромы нет, он бы тебе все показал... Дело молодое...

– Нет больше Ромы! – снова заголосила Клавдия Ивановна, закрываясь передником.

Маша бросила взгляд через открытую дверь в смежную комнату и увидела в уголку над широкой железной кроватью с никелированными набалдашниками несколько простых иконок, убранных чистым белым полотенцем, и крошечную лампадку.

Клавдия Ивановна, словно почувствовав ее взгляд, перекрестилась и воскликнула:

– За что, Господи? За что?

И в самом деле, за что?.. Если уж Господь Бог в бесконечной доброте своей и мог на кого-то прогневаться и решил отнять ребенка, то только не на этих двух бедных стариков, только не у них!..

Маша плакала вместе с ними и думала о том, что если бы ее собственные родители от нее отказались, тогда бы Клавдия Ивановна и Михаил Палыч могли бы удочерить девочку Марию. И называлась бы она не Маша Семенова, а Маша Иванова. Невелика разница.

Она вообразила себе, как папа ковыряется ключом в замке почтового ящика и вместе с «Юридическим вестником» и «Экономикой и жизнью» извлекает это странное письмо. Поднимаясь в лифте, он вертит в руках конверт без обратного адреса со штампом какойто русской не то Швейцарии, не то Венеции, а потом, войдя в квартиру, читает письмо маме, которая вываливает на ладонь из баночки новый патентованный крем и толстым слоем размазывает по морщинистому лицу и шее. Он читает:

«Глубокоуважаемые супруги Семеновы, Иосиф Яковлевич и Ольга Николаевна, сына нашего Рому Иванова разорвало пополам гранатой из подствольного гранатомета в городегерое Грозном, Чеченской АССР, и Мария приехала навестить нас в нашем доме, который, кстати сказать, в настоящее время приватизирован и вместе с участком пятьдесят соток находится в нашем полном законном владении. Имеются у нас также акции нашего совхоза, в котором Клавдия Ивановна проработала до пенсии, а теперь будет получать оттуда дивиденды. В прошлом году Михаил Палыч тоже вышел на заслуженный отдых как работник внутренних дел, а потому материально мы вполне обеспечены государством. К тому же, и хозяйство, с которого тоже коечто имеем. Вот мы сидели себе вдвоем, говорили, плакали, когда приехала Мария и предложила нам себя удочерить. Чтобы утешить нас в нашем большом горе. Мы конечно согласились, потому что это очень нас утешит, и мы будем чувствовать себя не так одиноко, если мы удочерим Марию и будем ее любить как родную...»

– Это что за новости? – удивится мама.

– Помоему, – скажет папа, – это крестьяне или чтонибудь в этом роде. Совершенно никакого слога.

– Но зато от чистого сердца, – ответит мама. – Кажется, они действительно будут любить ее как родную. Тебе не о чем беспокоиться.

– Я надеюсь, – покачает головой папа. – Если ты не возражаешь, я согласен.

Потом они втроем отправились на кладбище, которое располагалось на холме между двумя озерами в густой роще. У свежей могилы они еще поплакали и помянули дорогого им человека. Клавдия Ивановна разложила на платочке нехитрую закуску, а Михаил Палыч наполнил небольшие граненые стаканчики.

– Вы в Россию насовсем? – вдруг перейдя на «вы», спросил Машу Михаил Палыч. – Или скоро опять туда, к чеченам?

– Пожалуй, насовсем, – ответила она. – Да и начальство считает, что мне нужно отдохнуть...

Потом они долго молчали, и Маша чувствовала, чего от нее ждут осиротевшие родители. Наконец она собралась с духом и начала сбивчиво объяснять:

– Вообще, все случилось мгновенно... Рома даже ничего не почувствовал... Вспышка, удар – и конец...

Она подняла голову и устремила глаза к небу, откуда, как она надеялась, на них теперь взирал Рома, чье расчлененное тело покоилось у них под ногами. Сквозь слезы солнце дрожало и было готово вотвот покатиться по небосклону в озеро.

– Скажи, дочка, – проговорила Клавдия Ивановна, в отличие от мужа почемуто переходя на «ты», – он... он там не голодал, хорошо питался?

– Очень хорошо, – успокоила Маша.

– Ну ничего, – проворчал Михаил Палыч, – наши тоже всыпали чернозадым!

Потом снова поплакали и помолчали. Маша порылась в сумочке и отдала им пластиковую кредитную карточку. Что они с ней будут делать? Кажется, они даже толком не поняли, что

это такое. Наверное, бережно сохраняют в память о сыне – пришили рядом с его украшенной траурным бантом фотографией.

Больше рассказывать было нечего. Маша засобиралась назад. Ее проводили до паромной переправы.

– Дай те бог, дочка, счастья, что приехала, – сказала Клавдия Ивановна, крепко обнимая Машу. – Дай те бог!..

– В отпуск или так – милости просим, – бормотал Михаил Палыч. – У нас места – уу! – знаменитые!..

Маша стояла на пароме, сонно ползущем через водоем, и ветер трепал ее волосы. Становилось свежо, и, прислонившись к железным перилам, она поплотнее запахнула куртку из черной дорогой кожи. Вдали на воде виднелись какие-то острова и над ними стаи птиц. Тут у Ромы Иванова прошло детство и отрочество... В этот момент к Маше приблизилась толстая женщина с худой девочкой.

– Вы прямо вылитая Маша Семенова из новостей! – сказала толстая женщина.

– Какая такая Маша Семенова? – пожала плечами Маша.

– Ну вы даете! – изумилась худая девочка. – Жена ж этого Невзорова!

Х

Вот Маша снова оказалась в Москвематушке, которая после долгой разлуки что-то не проявляла к ней особых родственных чувств. Мысль о возвращении в полупустую однокомнатную квартиру, которую Маша снимала с тех пор, как обрела моральную и материальную независимость от кого бы то ни было, не высекала в душе бурного энтузиазма. Для начала она решила продефилировать через центр – в надежде адаптации.

Как быстро все становилось чужим! Маша затрясла головой, словно разгоняя пелену забвения, но проступившие воспоминания, которые таились за каждым поворотом, были не из разряда приятных. Знакомые дома, бульвары и улицы помнили, как она бродила здесь, корчась от боли. Маша неловко пробиралась сквозь толпу на улице Горького. От прежней боли осталось одно воспоминание, зато в душу уже успела внедриться новая. От ощущения бездомности засосало под ложечкой. Она смотрела на ослепительное богатство в витринах модных магазинов, не испытывая ни малейшего желания войти и порадовать себя чем-нибудь эдаким, но на Пушкинской площади, сама не ведая зачем, купила у какой-то старухи бутылку шампанского, а у другой – гроздь бананов. Вот уже не один год эти старухи, приторговывающие всякой всячиной, выстраивались здесь наподобие оцепления, словно живое кольцо в защиту новых экономических преобразований. Жуя банан и влача оттягивающий руку полиэтиленовый пакет с бутылкой, Маша в легкой прострации брела куда глаза глядят. Единственное, в чем она была непосредственно убеждена, так это то, что есть у нее еще люди, на которых она может положиться и которые, в случае чего, поддержат и успокоят ее. Что есть у нее настоящая подруга.

Несколько сосунков, лет по семнадцать, с рюкзаками на плечах, жадно засмотрелись на ее стройные ноги, и, проходя мимо, она услышала у себя за спиной:

– Знаешь, чья жена, придурок?.. – спросил один другого.

– Какая жена, дятел! – прервал друг с преувеличенной развязностью. – Это он сам и есть! Только в юбке...

Усмехнувшись, Маша вспомнила, что забыла надеть свою обычную маскировку – темные очки и косынку. Однако на душе ненадолго полегчало. Можно было снова приступить к упорядочению воспоминаний.

Первое время после своего одесского знакомства среди бюстгальтеров и трусов новые подруги Маша и Рита общались весьма часто. Едва вернувшись в Москву, Маша позвонила новой знакомой, и они стали регулярно встречаться у Риты на квартире к взаимному своему удовольствию.

Обычно Маша приходила в пятницу с утра, когда Эдик уже священнодействовал перед золотым тельцом у себя в офисе или еще где, а Рита, поздняя пташка, толькотолько просыпалась после того, как накануне допоздна трудилась на ниве телевидения. Иван Бурденко, деликатный муж Риты, брал собаку и отправлялся совершать моцион, и у женщин образовывалось пару спокойных часов, когда они могли с удовольствием заняться друг другом. Эти утренние свидания по пятницам стали для Маши истинным душевным отдохновением. Она могла на время забыть о своей постылой роли Эдиковой не то супружницы, не то наложницы. Само собой, даже если бы и случилась такая возможность, она бы никогда не взяла с собой в гости самого Эдика. Ей и без того было ясно, что тот яро не одобрил бы ее новой подруги, которая была абсолютной противоположностью всему тому, что он предпочитал видеть в женщинах. Рита была агрессивной, умной и преуспевающей. Она была деловой. Сам факт, что такая женщина счастлива в своем замужестве, смутил бы его и лишил покоя. В противном случае, он мог бы просто записать ее в разряд феминисток, – то есть она бы превратилась для него в пустое место.

Между тем, со своей стороны, Рита понимала, что Маша еще не созрела для решительных действий. Маша была ленива, мечтательна и... беременна. Словом, момент не настал.

– Маша! – восклицала Рита во время их интимных встреч, – ты достаточно умна, чтобы понять – я послана тебе самой судьбой. Я здесь, в этом мире, чтобы помочь тебе, когда ты наконец решишь стать самой собой.

– Я тебя так люблю, Рита! – отвечала Маша. – Я чувствую, что так и будет!.. Вот только дай мне немного прийти в себя...

Прийти в себя, чтобы стать собой. В этой парадоксальной игре слов и содержалась суть проблемы. Нынешняя жизнь вцепилась в Машу мертвой хваткой, и даже Рита ничего не могла с этим поделать. И чем хуже Маше становилось, тем больший стыд сжигал Машу, когда она приходила к подруге и встречала в ее глазах один и тот же немой вопрос. Она стала бывать у нее все реже и реже, а в конце концов и вовсе перестала. Лишь иногда звонила.

– Мы стали общаться только по телефону, – пеняла ей Рита. – Мне кажется, я тебя больше никогда не увижу.

– Сейчас столько дел дома, – оправдывалась Маша. – Только что привезли новую спальню, идет ремонт на кухне...

Молчание на другом конце телефонного провода говорило о том, что Рита не верит ни одному ее слову, хотя слишком деликатна, чтобы уличать ее во лжи. Дело, конечно, было вовсе не в ремонте...

Потом они перестали и созваниваться. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, но Маша была даже рада, что Рита ее не видит, – так более безболезненно совершалось ее начавшееся падение. Набирая килограмм за килограммом, она словно потеряла чувство времени. Лишь изредка бросала на себя взгляд в зеркало, ужасалась... и падение продолжалось.

Несколько месяцев, предшествующие ее неудачным родам, и несколько месяцев после них Маша вообще не вспоминала о любимой подруге, а та, пару раз нарвавшись по телефону на Эдика и боясь показаться навязчивой, оставила попытки дозвониться.

Признаки душевного отрезвления появились как раз накануне мрачного октября девяносто третьего года. Проснувшись утром от мерных и фантастическизловещих отзвуков далеких оружейных залпов, Маша увидела, что Эдик в халате стоит у окна с прекрасным цейсовским биноклем и, бессознательно почесывая яйца, всматривается в горизонт.

– Вижу дым, – сообщил он ломающимся, как у мальчишкиюнки, голосом.

Прихватив с собой телефон, Маша отправилась в туалет и, устроив свой inferнально-раздавшийся зад на сиденье, принялась дозваниваться до Риты. Увы, на этот раз она не смогла поймать подругу, которая в эти дни ни минуты не сидела на месте.

Эдик не стал долго любоваться дымом из преисподней и наслаждаться Бетховенскими раскатами. Охота к перемене мест владела им уже несколько дней. Да и все необходимое было собрано. «Зачем нам этот геморрой?» – сказал он, кивнув на пейзаж битвы, и они на полтора месяца улетели на Багамы.

Только спустя несколько недель после уже упомянутой истерики с битьем хрустальных стаканов и суицидальными настроениями, и после того, как ей удалось сбросить первые десять килограммов, Маша решила навестить к подруге.

Нарядившись в балахонообразное, бесформенное и дорогое черное платье, которое, по ее наивному замыслу, должно было скрыть полнотелость, но которое едва доходило до жирных коленок, похожих на два блюда, Маша взяла такси и прикатила напрямик к Рите. Она надеялась, что хотя бы отчасти стала похожа на себя прежнюю, и Рита не грохнется в обморок, когда ее увидит. И надо признаться, жестоко ошиблась.

Открыв дверь и увидев на пороге то, что она увидела, Рита побледнела, как смерть, и только железная воля помогла ей удержаться на ногах.

– Здравствуй, а вот и я! – натужно улыбаясь, громко сказала Маша, мгновенно раскаявшись и проклянув ту минуту, когда ей пришлось в голову навестить подругу.

– Пойду сварю кофе... – пролепетала Рита, все еще не двигаясь с места. – Боже мой, до чего ты себя довела! – вырвалось у нее в следующую секунду.

Однако потом бросилась обнимать Машу.

– Сейчас еще ничего, – бодро ответила та, хотя была готова провалиться сквозь землю. – Я уже сбросила десять килограммов! Видела бы ты меня две недели назад...

– Слава богу, не видела, – проворчала Рита, уже окончательно овладев собой. – Мне и этого триллера достаточно!

Маша сидела на диване, слегка расставив толстые ноги, и прямо смотрела ей в глаза.

– Да, я вела себя, как последнее ничтожество, – как можно спокойнее начала исповедоваться она. – И боялась себе в этом признаться. Иначе мне бы пришлось прилагать какие-то усилия, чтобы выкарабкаться из этой ямы. Я просто боялась менять свою жизнь. Мне было страшно оттого, что нужно будет впервые что-то делать самой... Поэтому я ничего не делала... Хотя знала, что скоро разучусь делать что-нибудь, кроме как набивать живот...

– И кажется, добилась в этом больших успехов, – беспощадно констатировала Рита.

– Я свинья, Рита, – сказала Маша, опустив глаза. – Я так виновата перед тобой.

– Нет, ты моя любимая подруга, – услышала она в ответ. – И больше ни слова о прошлом. Я хочу, чтобы ты рассказала мне о своих планах.

Маша неловко заерзала.

– Я правда этого хочу, – улыбнулась Рита.

– Я хорошо все обдумала, – неуверенно начала Маша. – Тебе должно это понравиться...

Рита ободряюще кивнула, но в ее взгляде сквозило недоверие.

– У меня есть идея серьезного документального фильма о настоящих и будущих войнах на территории бывшего Союза... Ты понимаешь, насколько это серьезно... Я хочу, чтобы ты убедила начальство, чтобы мне дали...

Рита отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

– Теперь послушай меня, – сказала она. – Тебе придется на время выбросить из головы все свои серьезные идеи... Единственное, на что ты употребишь сейчас все свои силы и энергию – это на то, чтобы как можно быстрее превратиться в ту воздушную, трепетную и сексапильную женщину, которую я когда-то знала.

– Но я думала, что... – начала Маша.

– Итак, – деловито прервала ее подруга, – расскажи мне, что ты для этого делаешь.

– Впервые, я прохожу строгий курс у диетолога, пью специальные пилюли, принимаю процедуры... – покорно начала Маша. – Вовторых, я каждый день хожу на теннисный корт...

– И сколько тебе уже удалось это выдержать?

– Почти месяц, – гордо ответила Маша. – Я сбросила десять килограммов.

– Ну это я уже слышала, – кивнула Рита.

– Через месяцдругой сброшу еще пятнадцать!

– Меня убеждать не надо. Надо убеждать себя.

– Я готова на все!

– Верю, – снова кивнула Рита.

– Если бы ты только знала!.. – вздохнула Маша. – Мне кажется, что я умерла, побывала в аду и вдруг опять воскресла.

– С чем я тебя и поздравляю. Расскажика мне лучше, как ты питаешься в течении дня!

У тебя есть специальный режим?

– Не то слово! У меня особый, индивидуальный режим!

– Нуно...

– На завтрак я себе обычно позволяю эдакую здоровую сочную ссору с Эдиком. Запиваю ее чашечкой крепкого кофе и перехожу к водным процедурам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.